

Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha) - Роман (ч. 1-я - 1605. ч. 2-я - 1615)

¶ ГЛАВА I, повествующая о нраве и образе жизни славного идалго Дон Кихота Ламанчского

В некоем селе Ламанчском, {1} которого название у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идалго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке. Оля {2} чаще с говядиной, нежели с бараниной, винегрет, почти всегда заменявший ему ужин, яичница с салом по субботам, чечевица по пятницам, голубь, в виде добавочного блюда, по воскресеньям, - все это поглощало три четверти его доходов.

Остальное тратилось на тонкого сукна полукафтанье, бархатные штаны и такие же туфли, что составляло праздничный его наряд, а в будни он щеголял в камзоле из дешевого, но весьма добротного сукна. При нем находились ключница, коей перевалило за сорок, племянница, коей не исполнилось и двадцати, и слуга для домашних дел и полевых работ, умевший и лошадь седлать, и с садовыми ножницами обращаться.

Возраст нашего идалго приближался к пятидесяти годам; был он крепкого сложения, телом сухопар, лицом худощав, любитель вставать спозаранку и заядлый охотник. Иные утверждают, что он носил фамилию Кихада {3}, иные - Кесада. В сем случае авторы, писавшие о нем, расходятся; однако ж у нас есть все основания полагать, что фамилия его была Кехана. Впрочем, для нашего рассказа это не имеет существенного значения; важно, чтобы, повествуя о нем, мы ни на шаг не отступали от истины.

Надобно знать, что вышеупомянутый идалго в часы досуга, - а досуг длился у него чуть ли не весь год, - отдавался чтению рыцарских романов с таким жаром и увлечением, что почти совсем забросил не только охоту, но даже свое хозяйство; и так далеко зашли его любознательность и его помешательство на этих книгах, что, дабы приобрести их, он продал несколько десятин пахотной земли и таким образом собрал у себя все романы, какие только ему удалось достать; больше же всего любил он сочинения знаменитого Фельсьяно де Сильва {4}, ибо блестящий его слог и замысловатость его выражений казались ему верхом совершенства, особливо в любовных посланиях и в вызовах на поединок, где нередко можно было прочесть: "Благоразумие вашего неблагоразумия по отношению к моим разумным доводам до того помрачает мой разум, что я почитаю вполне разумным принести жалобу на ваше великолепие". Или, например, такое: "...всемогущие небеса, при помощи звезд божественно возвышающие вашу божественность, соделывают вас достойною тех достоинств, коих удостоилось ваше величие".

Над подобными оборотами речи бедный кавальеро {5} ломал себе голову и не спал ночей, силясь понять их и добраться до их смысла, хотя сам Аристотель, если б он нарочно для этого воскрес, не распутал бы их и не понял. Не лучше обстояло дело и с теми ударами, которые наносил и получал дон Бельянис, ибо ему казалось, что, какое бы великое искусство ни выказали пользовавшие рыцаря врачи, лицо его и все тело должны были быть в рубцах и отметилах. Все же он одобрял автора за то, что тот закончил свою книгу обещанием продолжить длиннейшую эту историю, и у него самого не раз являлось желание взяться за перо и дописать за автора конец; и так бы он, вне всякого сомнения, и поступил и отлично справился бы с этим, когда бы его не отвлекали иные, более важные и всечасные помыслы.

Не раз приходилось ему спорить с местным священником, - человеком образованным, получившим ученую степень в Сигуэнсе {6}, - о том, какой рыцарь лучше: Пальмерин Английский {7} или же Амадис Галльский {8}. Однако маэсе Николас, цирюльник из того же села, утверждал, что им обоим далеко до Рыцаря Феба и что если кто и может с ним сравниться, так это дон Галаор, брат Амадиса Галльского ибо он всем взял; он не ломака и не такой плакса, как его брат, в молодечестве же нисколько ему не уступит.

Одним словом, идалго наш с головой ушел в чтение, и сидел он над книгами с утра до ночи и с ночи до утра; и вот оттого, что он мало спал и много читал, мозг у него стал иссыхать, так что в конце концов он и вовсе потерял рассудок. Воображение его было поглощено всем тем, о чем он читал в

книгах: чародейством, распрями, битвами, вызовами на поединок, ранениями, объяснениями в любви, любовными похождениями, сердечными муками и разной невероятной чепухой, и до того прочно засела у него в голове мысль, будто все это нагромождение вздорных небылиц - истинная правда, что для него в целом мире не было уже ничего более достоверного.

Он говорил, что Сид Руй Диас {9} очень хороший рыцарь, но что он ни в какое сравнение не идет с Рыцарем Пламенного Меча {10}, который одним ударом рассек пополам двух свирепых и чудовищных великанов. Он отдавал предпочтение Бернардо дель Карпьо {11} оттого, что тот, прибегнув к хитрости Геркулеса, задушившего в своих объятиях сына Земли - Антея, умертвил в Ронсевальском ущелье очарованного Роланда {12}. С большой похвалой отзывался он о Моргате {13}, который хотя и происходил из надменного и дерзкого рода великанов, однако ж, единственный из всех, отличался любезностью и отменной учтивостью. Но никем он так не восхищался, как Ринальдом Монтальванским {14}, особенно когда тот, выехав из замка, грабил всех, кто только попадался ему на пути, или, очутившись за морем, похищал истукан Магомета - весь как есть золотой, по уверению автора. А за то, чтобы отколотить изменника Ганнелона {15}, наш идальго отдал бы свою ключницу да еще и племянницу в придачу.

И вот, когда он уже окончательно свихнулся, в голову ему пришла такая странная мысль, какая еще не приходила ни одному безумцу на свете, а именно: он почел благоразумным и даже необходимым как для собственной славы, так и для пользы отечества сделаться странствующим рыцарем, сесть на коня и, с оружием в руках отправившись на поиски приключений, начать заниматься тем же, чем, как это ему было известно из книг, все странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почет.

Бедняга уже представлял себя увенчанным за свои подвиги, по малой мере, короной Трапезундского царства; и, весь отдавшись во власть столь отрадных мечтаний, доставлявших ему наслаждение неизъяснимое, поспешил он достигнуть цели своих стремлений. Первым делом принялся он за чистку принадлежавших его предкам доспехов, некогда сваленных как попало в угол и покрывшихся ржавчиной и плесенью. Когда же он с крайним тщанием вычистил их и привел в исправность, то заметил, что недостает одной весьма важной вещи, а именно: вместо шлема с забралом он обнаружил обыкновенный шишак; но тут ему пришла на выручку его изобретательность: смастерив из картона полушлем, он прикрепил его к шишаку, и получилось нечто вроде закрытого шлема.

Не скроем, однако ж, что когда он, намереваясь испытать его прочность и устойчивость, выхватил меч и нанес два удара, то первым же ударом в одно мгновение уничтожил труд целой недели; легкость, с какою забрало разлетелось на куски, особого удовольствия ему не доставила, и, чтобы предотвратить подобную опасность, он сделал его заново, подложив внутрь железные пластинки, так что в конце концов остался доволен его прочностью и, найдя дальнейшие испытания излишними, признал его вполне годным к употреблению и решил, что это настоящий шлем с забралом удивительно тонкой работы.

Затем он осмотрел свою клячу и, хотя она хромала на все четыре ноги и недостатков у нее было больше, чем у лошади Гонеллы {16}, которая *tantum pellis et ossa fuit* {17}, нашел, что ни Буцефал {1}8 Александра Македонского, ни Бабьека Сиды не могли бы с нею тягаться. Несколько дней раздумывал он, как ее назвать, ибо, говорил он себе, коню столь доблестного рыцаря, да еще такому доброму коню, нельзя не дать какого-нибудь достойного имени. Наш идальго твердо держался того мнения, что если произошла перемена в положении хозяина, то и конь должен переменить имя и получить новое, славное и громкое, соответствующее новому сану и новому поприщу хозяина; вот он и старался найти такое, которое само показывало бы, что представлял собой этот конь до того, как стал конем странствующего рыцаря, и что он собой представляет теперь; итак, он долго придумывал разные имена, роясь в памяти и напрягая воображение, - отвергал, отметал, переделывал, пускал насмарку, сызнова принимался составлять, - и в конце концов остановился на Росинанте, {19} имени, по его мнению, благородном и звучном, поясняя, что прежде конь этот был обыкновенной клячей, ныне же, опередив всех остальных, стал первой клячей в мире.

Столь удачно, как ему казалось, назвав своего коня, решил он подыскать имя и для себя самого и, потратив на это еще неделю, назвался наконец Дон Кихотом, - отсюда, повторяем, и сделали вывод авторы правдивой этой истории, что настоящая его фамилия, вне всякого сомнения, была Кихада, а вовсе не Кесада, как уверяли иные. Вспомнив, однако ж, что доблестный Амадис не пожелал именоваться просто Амадисом, но присовокупил к этому имени название своего королевства и

отечества, дабы тем прославить его, и назвался Амадисом Галльским, решил он, что и ему, как истинному рыцарю, надлежит присовокупить к своему имени название своей родины и стать Дон Кихотом Ламанчским, чем, по его мнению, он сразу даст понять, из какого он рода и из какого края, и при этом окажет честь своей отчизне.

Вычистив же доспехи, сделав из шишака настоящий шлем, выбрав имя для своей лошаденки и окрестив самого себя, он пришел к заключению, что ему остается лишь найти даму, в которую он мог бы влюбиться, ибо странствующий рыцарь без любви - это все равно что дерево без плодов и листьев или же тело без души.

- Если в наказание за мои грехи или же на мое счастье, - говорил он себе, - встретится мне где-нибудь один из тех великанов, с коими странствующие рыцари встречаются нередко, и я сокрушу его при первой же стычке, или разрублю пополам, или, наконец, одолев, заставлю просить пощады, то разве плохо иметь на сей случай даму, которой я мог бы послать его в дар, с тем чтобы он, войдя, пал перед моею кроткою госпожою на колени и покорно и смиренно молвил: "Сеньора! Я - великан Каракульямбр, правитель острова Малиндрнии, побежденный на поединке неопределенным рыцарем Дон Кихотом Ламанчским, который и велел мне явиться к вашей милости, дабы ваше величие располагало мной по своему благоусмотрению"?

О, как ликовал наш добрый рыцарь, произнося эти слова, особливо же когда он нашел, кого назвать своею дамою! Должно заметить, что, сколько нам известно, в ближайшем селении жила весьма миловидная деревенская девушка, в которую он одно время был влюблен, хотя она, само собою разумеется, об этом не подозревала и не обращала на него никакого внимания. Звали ее Альдонсою Лоренсо, и вот она-то и показалась ему достойною титула владычицы его помыслов; и, выбирая для нее имя, которое не слишком резко отличалось бы от ее собственного и в то же время напоминало и приближалось бы к имени какой-нибудь принцессы или знатной сеньоры, положил он назвать ее Дульсинеей {20} Тобоскою - ибо родом она была из Тобоссо {21}, - именем, по его мнению, приятным для слуха, изысканным и глубокомысленным, как и все ранее придуманные им имена.

Примечания:

- 1 В некоем селе Ламанчском... - строка из испанского народного романса.
- 2 Оля - так называемая "оля подрида" - испанское национальное блюдо.
- 3 Кихада, Кесада. - Кихада - челюсть; кесада - пирог с сыром.
- 4 Фелисьяно де Сильва - автор многих рыцарских романов (XVI в.

5 Кавальеро - общее название лиц дворянского происхождения; в узком смысле слова - представитель среднего дворянства.

6 Сигуэнса - небольшой городок в провинции Гуадалахара, в котором находился университет второстепенного значения.

7 Пальмерин Английский - герой рыцарского романа "Могучий рыцарь Пальмерин Английский".

8 Амадис Галльский, точнее Амадис Уэльский (родина Амадиса - Gaula - Уэльс, Валлис). - Подлинный текст "Смелого и доблестного рыцаря Амадиса, сына Периона Галльского и королевы Элисены" (в четырех частях) написан на испанском языке. Первое известное нам издание появилось в Сарагосе в 1508 г.

9 Сид - Родриго (Руй) Диас де Бивар (1043?-1099), прозванный Сидом (Сид по-арабски "господин") - испанский национальный герой, один из вождей реконквисты - борьбы, которую с 711 по 1492 г. вел испанский народ против своих завоевателей - арабов (мавров). Подвиги Сида воспеты в поэме "Песнь о моем Сиде" и многочисленных народных песнях (романсах).

10 Рыцарь Пламенного Меча - прозвище Амадиса Греческого, героя одноименного рыцарского романа.

11 Бермардо дель Карпыо - легендарный испанский герой.

12 Роланд - главный герой "Песни о Роланде" и многих средневековых сказаний, главное действующее лицо поэм Ариосто, Боярдо и др.

13 Моргант - герой поэмы Пульчи "Моргант-великан", свирепый великан-язычник, которого Роланд обращает в христианство, после чего Моргант совершенно преображается, становится великодушным, учтивым, благородным.

14 Ринальд Монтальванский - персонаж поэмы Торквато Тассо (1544-1595) "Освобожденный Иерусалим", "Влюбленного Роланда" Боярдо и "Неистового Роланда" Ариосто.

15 Ганнелон - один из персонажей "Песни о Роланде", враг Роланда, ради мщения которому он изменяет своему королю.

16 Гонелла - шут одного из герцогов феррарских (XV в.); у него был необыкновенно худой конь, который служил предметом шуток.

17 Была только кожа да кости (лат.) (слова из комедии Плавта "Горшок", акт III, сц. VI).

18 Буцефал - по преданию, любимый конь Александра Македонского.

19 Росинант - составное слово: "росин" - кляча, "анте" - прежде и впереди, то есть то, что было клячей когда-то, а

также кляча, идущая впереди всех остальных.
20 Дульсинея. - Имя Дульсинея происходит от слова "dulce" (сладкая, нежная).
21 Тобосо - город в Ламанче, в ста километрах к юго-востоку от Толедо.

¶ ГЛАВА II, §

повествующая о первом выезде хитроумного Дон Кихота из его владений.

Покончив со всеми этими приготовлениями, наш идадьго решился тотчас же осуществить свой замысел, ибо он полагал, что всякое промедление с его стороны может пагубно отозваться на человеческом роде: сколько беззаконий предстоит ему устранить, сколько кривды выпрямить, несправедливостей загладить, злоупотреблений искоренить, скольких обездоленных удовлетворить!

И вот, чуть свет, в один из июльских дней, обещавший быть весьма жарким, никому ни слова не сказав о своем намерении и оставшись незамеченным, облачился он во все свои доспехи, сел на Росинанта, кое-как приладил нескладный свой шлем, взял щит, прихватил копье и, безмерно счастливый и довольный тем, что никто не помешал ему приступить к исполнению благих его желаний, через ворота скотного двора выехал в поле.

Но как скоро он очутился за воротами, в голову ему пришла страшная мысль, до того страшная, что он уже готов был отказаться от задуманного предприятия, и вот почему: он вспомнил, что еще не посвящен в рыцари и что, следственно, по законам рыцарства ему нельзя и не должно вступать в бой ни с одним рыцарем; а если б даже и был посвящен, то ему как новичку подобает носить белые доспехи, без девиза на щите, до тех пор, пока он не заслужит его своею храбростью. Эти размышления поколебали его решимость; однако ж безумие взяло верх над всеми доводами, и по примеру многих рыцарей, о которых он читал в тех самых романах, что довели его до такого состояния, вознамерился он обратиться с просьбой о посвящении к первому встречному. Что же касается белых доспехов, то он дал себе слово на досуге так начистить свои латы, чтобы они казались белее горноста, и, порешив на том, продолжал свой путь, - вернее, путь, который избрал его конь, ибо Дон Кихот полагал, что именно так и надлежит искать приключений.

Ехал путем-дорогой наш новоявленный рыцарь и сам с собой рассуждал:

- Когда-нибудь увидит свет правдивая повесть о моих славных деяниях, и тот ученый муж, который станет их описывать, дойдя до первого моего и столь раннего выезда, вне всякого сомнения, начнет свой рассказ так: "Златокудрый Феб только еще распускал по лицу широкой и просторной земли светлые нити своих роскошных волос, а пестрые птички нежной и сладкой гармонией арфоподобных своих голосов только еще встречали румяную Аврору, покинувшую мягкое ложе ревнивого супруга, распахнувшую врата и окна ламанчского горизонта и обратившую взор на смертных, когда славный рыцарь Дон Кихот Ламанчский презрел негу пуховиков и, вскочив на славного своего коня Росинанта, пустился в путь по древней и знаменитой Монтельской равнине".

В самом деле, именно по этой равнине он и ехал.

- Блаженны времена и блажен тот век, - продолжал он, - когда увидят свет мои славные подвиги, достойные быть вычеканенными на меди, высеченными на мраморе и изображенными на полотне в назидаение потомкам! Кто б ни был ты, о мудрый волшебник, коему суждено стать летописцем необычайных моих приключений, молю: не забудь доброго Росинанта, вечного моего спутника, странствующего вместе со мною по всем дорогам. Потом он заговорил так, как если бы точно был влюблен: - О принцесса Дульсинея, владычица моего сердца, покоренного вами! Горько обидели вы меня тем, что, осыпав упреками, изгнали меня и в порыве гнева велели не показываться на глаза красоте вашей! Заклинаю вас, сеньора: сжальтесь над преданным вам сердцем, которое, любя вас, тягчайшие терпит муки!

На эти нелепости он нагромождал другие, точь-в-точь как в его любимых романах, стараясь при этом по мере возможности подражать их слогу, и оттого ехал так медленно, солнце же стояло теперь так высоко и столь нещадно палило, что если б в голове у Дон Кихота еще оставался мозг, то растопился бы неминуемо.

В сущности, за весь этот день с ним не произошло ничего, о чем следовало бы рассказать, и он уже приходил в отчаяние, ибо ему хотелось как можно скорее встретиться с кем-нибудь таким, на ком он мог бы проявить свою мощь. Одни авторы первым его приключением считают случай, происшедший в Ущелье Лаписе {1}, другие - случай с ветряными мельницами, - то же, что удалось установить мне и чему я нашел подтверждение в летописях Ламанчи, сводится к следующему. Весь этот день Дон Кихот

провел в пути, а к вечеру он и его кляча устали и сильно проголодались; тогда, оглядевшись по сторонам в надежде обнаружить какой-нибудь замок, то есть шалаш пастуха, где бы можно было подкрепиться и расправить усталые члены, заметил он неподалеку от дороги постоялый двор, и этот постоялый двор показался ему звездой, которая должна привести его не к преддверию храма спасения, а прямо в самый храм. Он тронул поводья и подъехал к постоялому двору, как раз когда стало смеркаться.

Случайно за ворота постоялого двора вышли две незамужние женщины из числа тех, что, как говорится, ходят по рукам; вместе с погонщиками мулов они держали путь в Севилью, но те порешили здесь заночевать; а как нашему искателю приключений казалось, будто все, о чем он думал, все, что он видел или рисовал себе, создано и совершается по образу и подобию вычитанного им в книгах, то, увидев постоялый двор, он тут же вообразил, что перед ним замок с четырьмя башнями и блестящими серебряными шпилями, с неизменным подъемным мостом и глубоким рвом - словом, со всеми принадлежностями, с какими подобные замки принято изображать.

В нескольких шагах от постоялого двора, или мнимого замка, он натянул поводья и остановился в ожидании, что вот сейчас между зубцов покажется карлик и, возвещая о прибытии рыцаря, затрубит в трубу. Но карлик медлил, Росинанту же не терпелось пробраться в стойло; тогда Дон Кихот подъехал ближе и, увидев двух гулящих бабенок, решил, что подле замка резвятся не то прекрасные девы, не то прелестные дамы.

Нужно же было случиться так, чтобы в это самое время какой-то свинопас, сгоняя со жнивья стадо свиней, - прощу меня извинить, но другого названия у этих животных нет, - затрубил в рожок, по каковому знаку те имеют обыкновение сбегаться, и тут Дон Кихот, вообразив, что чаемое им свершилось, - а именно, что карлик возвестил о его прибытии, - не помня себя от радости, направился к дамам, но дамы, к ужасу своему заметив, что к ним приближается всадник, облаченный в столь диковинные доспехи, со щитом и копьем, бросились наутек; тогда Дон Кихот, догадавшись, что это он испугал их, поднял картонное забрало, скрывавшее худое и запыленное его лицо, и с самым приветливым видом спокойно проговорил:

- Не бегите от меня, сеньоры, и не бойтесь ничего, ибо рыцарям того ордена, к которому я принадлежу, не пристало и не подобает чинить обиды кому бы то ни было, а тем паче столь знатным, судя по вашему виду, девицам.

Бабенки воззрились на незнакомца, пытаясь разглядеть его лицо, на которое опять сползло дрянное забрало, но, услышав, что он величает их девицами, каковое наименование отнюдь не соответствовало их роду занятий, принялись хохотать, да так, что Дон Кихот почувствовал себя неловко.

- Красоте приличествует степенность, - сказал он, - беспричинный же смех есть признак весьма недалекого ума. Впрочем, все это я говорю не для того, чтобы оскорбить вас или же привести в дурное расположение духа, ибо я со своей стороны расположен лишь к тому, чтобы служить вам. Свойственная нашему рыцарю манера выражаться, не привычная для слуха обеих дам, и неказистая его наружность все больше и больше смешили их, Дон Кихот же все пуще гневался, и неизвестно, чем бы это кончилось, если б в это самое время не подоспел хозяин постоялого двора, человек весьма тучный и оттого весьма добродушный, но даже и он, увидев перед собой нелепую фигуру и все эти разнородные предметы, как-то: тяжеловесное копье и легкий кожаный щит, столь же легкий кожаный панцирь и тяжелую сбрую, чуть было не присоединился к развеселившимся девицам. Однако ж, уstraшенный этою грудой доспехов, рассудил за благо быть с незнакомцем полюбезнее и обратился к нему с такими словами:

- Коли ваша милость, сеньор кавальеро, ищет ночлега, то вы не найдете здесь только кровати, - кровати, правда, у меня нет ни одной, - зато все остальное имеется в изобилии. Почтительный тон коменданта, - надобно заметить, что хозяина наш рыцарь принял за коменданта, а постоялый двор за крепость, - умиротворил Дон Кихота.

- Я всем буду доволен, сеньор кастелян {2}, - сказал он, - ибо мой наряд - мои доспехи, в лютой битве мой покой {3} и так далее.

Хозяин подумал, что тот принял его за честного кастильца и потому назвал кастеляном, на самом же деле он был андалусец, да еще из Сан Лукара {4}, и в жульничестве не уступал самому Каку, а в плутовстве - школярам и слугам.

- Стало быть, - подхватил он, - ложе вашей милости - твердый камень, бденье до зари - ваш сон. {5} А коли так, то вы смело можете здесь остановиться: уверяю вас, что в этой лачуге вы найдете сколько

угодно поводов не то что одну ночь - весь год не смыкать глаз. С этими словами хозяин ухватился за стремя, и Дон Кихот спешился, хотя это стоило ему немалых трудов и усилий, оттого что он целый день постился. Затем он попросил хозяина не оставить своими заботами и попечениями его коня, ибо, по его словам, то было лучшее из травоядных. Хозяин, взглянув на Росинанта, не обнаружил и половины тех достоинств, какие видел в нем Дон Кихот, однако ж отвел коня в стойло и тотчас вернулся узнать, не нужно ли чего-нибудь гостю; с гостя же успевшие с ним помириться девы снимали доспехи, причем снять нагрудник и наплечье им удалось, а расстегнуть ожерельник и стащить безобразный шлем, к коему были пришиты зеленые ленты, они так и не сумели; по-настоящему следовало разрезать ленты, ибо развязать узлы девицам оказалось не под силу, но Дон Кихот ни за что на это не согласился и так потом до самого утра и проходил в шлеме, являя собою нечто в высшей степени странное и забавное; и пока девки снимали с него доспехи, он, думая, что это знатные сеньоры, обитательницы замка, с великою приятностью читал им стихи:

Был неслыханно радушен

Тот прием, который встретил
Дон Кихот у дам прекрасных,
Из своих земель приехав.
Фрейлины пеклись о нем,
О коне его - принцессы,

то есть о Росинанте, ибо так зовут моего коня, сеньоры, меня же зовут Дон Кихот Ламанчский, и хотя я должен был бы поведать вам свое имя не прежде, чем его поведают подвиги, которые я намерен совершить, дабы послужить вам и быть вам полезным, однако ж соблазн применить старинный романс о Ланцелоте {6} к нынешним обстоятельствам вынудил меня поведать вам, кто я таков, раньше времени. Впрочем, настанет пора, когда ваши светлости будут мною повелевать, я же буду вам повиноваться, и доблестная моя длань поведает о моей готовности служить вам. Девицы, не привыкшие к столь пышной риторике, хранили молчание; они лишь осведомились, не желает ли он покушать.

- Вкусить чего-либо я не прочь, - отвечал Дон Кихот, - и, сдается мне, это было бы весьма кстати. Дело, как нарочно, происходило в пятницу, и на всем постоялом дворе не нашлось ничего, кроме небольшого запаса трески, которую в Кастилии называют абадехо, в Андалусии - бакальяо, в иных местах - курадилло, в иных - форелькой. Дон Кихота спросили, не угодно ли его милости, за неимением другой рыбы, отведать форелек.

- Побольше бы этих самых форелек, тогда они заменят одну форель, - рассудил Дон Кихот, - ибо не все ли равно, дадут мне восемь реалов {7} мелочью или же одну монету в восемь реалов? Притом очень может быть, что форелька настолько же нежнее форели, насколько телятина нежнее говядины, а молодой козленок неяснее козла. Как бы то ни было, несите их скорей: ведь если не удовлетворить настойчивой потребности желудка, то и бременю трудов, а равно и тяжелых доспехов на себе не потащишь.

Стол поставили у ворот, прямо на свежем воздухе, а затем хозяин принес Дон Кихоту порцию плохо вымоченной и еще хуже приготовленной трески и кусок хлеба, не менее черного и не менее заплесневелого, чем его доспехи. И как же тут было не рассмеяться, глядя на Дон Кихота, который, наотрез отказавшись снять шлем с поднятым забралом, не мог из-за этого поднести ко рту ни одного куска! Надлежало кому-нибудь другому ухаживать за ним и класть ему пищу в рот, и эту обязанность приняла на себя одна из дам. А уж напоить его не было никакой возможности, и так бы он и не напился, если б хозяин не провертел в тростинке дырочку и не вставил один конец ему в рот, а в другой не принялся лить вино; рыцарь же, чтобы не резать лент, покорно терпел все эти неудобства. В это время на постоялый двор случилось зайти коновалу, собиравшемуся холостить поросят, и, войдя, он несколько раз дунул в свою свиристелку, после чего Дон Кихот совершенно уверился, что находится в некоем славном замке, что на пиру в его честь играет музыка, что треска - форель, что хлеб - из белоснежной муки, что непотребные девки - дамы, что хозяин постоялого двора - владелец замка, и первый его выезд, равно как и самая мысль пуститься в странствия показались ему на редкость удачными. Одно лишь смущало его - то, что он еще не посвящен в рыцари, а кто не принадлежал к какому-нибудь рыцарскому ордену, тот, по его мнению, не имел права искать приключений.

Примечания.

- 1 Ущелье Лаписе - лесистое ущелье в Ламанче.
2 Кастелян - комендант крепости, замка.
3 ...мой наряд - мои доспехи, в лютой битве мой покой... - слова из испанского народного романа.
4 Сан Лукар. - Сан Лукар Баррамедский - морской порт в Севильской провинции, в устье Гуадалквивира, связывавший метрополию с ее заморскими владениями.
5 ...ложе вашей милости - твердый камень, бдение до зари - ваш сон... - перефразированная строка того же романа.
6 Ланцелот - прославленный рыцарь "Круглого Стола", влюбленный в Джинеvру, жену короля Артура, в честь которой им было совершено множество подвигов. В тексте приводятся стихи из старинного романа о Ланцелоте.
7 реал - старинная испанская серебряная или медная монета. Один серебряный реал равнялся двум медным.

ГЛАВА III,

в коей рассказывается о том, каким забавным способом Дон Кихот был посвящен в рыцари. Преследуемый этою мыслью, Дон Кихот, быстро покончив со своим скудным трактирным ужином, подозвал хозяина, удалился с ним в конюшню, пал на колени и сказал: - Доблестный рыцарь! Я не двинусь с места до тех пор, пока ваша любезность не соизволит исполнить мою просьбу, - исполнение же того, о чем я прошу, покроет вас неувыдаемою славой, а также послужит на пользу всему человеческому роду. Увидев, что гость опустил перед ним на колени, и услышав такие речи, хозяин оторопел: он не знал, что делать и что говорить, а затем стал убеждать его подняться с колен, но тот поднялся лишь после того, как хозяин дал слово исполнить его просьбу. - Меньшего, государь мой, я и не ожидал от вашего несказанного великодушия, - заметил Дон Кихот. - Итак, да будет вам известно, что просьба, с которой я к вам обратился и которую ваше человеколюбие обещало исполнить, состоит в том, чтобы завтра утром вы посвятили меня в рыцари; ночь я проведу в часовне вашего замка, в бдении над оружием, а завтра, повторяю, сбудется то, чего я так жажду, и я обрету законное право объезжать все четыре страны света, искать приключений и защищать обиженных, тем самым исполняя долг всего рыцарства, а также долг рыцаря странствующего, каковым я являюсь и каковой обязан стремиться к совершению указанных мною подвигов. Хозяин, будучи, как мы уже говорили, изрядною шельмой, отчасти догадывался, что гость не в своем уме, - при этих же словах он совершенно в том уверился и, решившись потакать всем его прихотям, дабы весело провести ночь, сказал Дон Кихоту следующее: намерение-де его и просьба более чем разумны, и, вполне естественно и законно, что у такого знатного, сколько можно судить по его наружности и горделивой осанке, рыцаря явилось подобное желание; да и он, хозяин, в молодости сам предавался этому почтенному занятию: бродил по разным странам и, в поисках приключений неукоснительно заглядывая в Перчелес под Малагой {1}, на Риаранские острова {2}, в севильский Компас, сеговийский Асогехо, валенсийскую Оливеру, гранадскую Рондилью {3}, на набережную в Сан Лукаре, в кордовский Потро {4}, толедские игорные притоны и еще кое-куда, развивал проворство ног и ловкость рук, проявлял необычайную вредность, не давал проходу вдовушкам, соблазнял девиц, свращал малолетних, так что слава его гремела по всем испанским судам и судилищам; под конец же удалился на покой в этот свой замок, где и живет на свой и на чужой счет, принимая у себя всех странствующих рыцарей, независимо от их звания и состояния, исключительно из особой любви к ним и с условием, чтобы в благодарность за его гостеприимство они делились с ним своим достоянием. К этому хозяин прибавил, что у него в замке нет часовни, где бы можно было бодрствовать над оружием, ибо старую он снес, дабы на ее месте выстроить новую, но что, сколько ему известно, в крайнем случае бодрствовать над оружием дозволяется где угодно, так что Дон Кихот может провести эту ночь на дворе, а завтра, бог даст, все причествующие случаю церемонии будут совершены и он станет настоящим рыцарем, да еще таким, какого свет не производил. Затем он осведомился, есть ли у Дон Кихота деньги; тот ответил, что у него нет ни гроша, ибо ни в одном рыцарском романе ему не приходилось читать, чтобы кто-нибудь из странствующих рыцарей имел при себе деньги. На это хозяин сказал, что он ошибается; что хотя в романах о том и не пишется, ибо авторы не почитают за нужное упоминать о таких простых и необходимых вещах, как, например, деньги или чистые сорочки, однако ж из этого вовсе не следует, что у рыцарей ни того, ни другого не было; напротив, ему доподлинно и точно известно, что у всех этих странствующих рыцарей, о которых насочиняли столько романов, кошельки на всякий случай были туго набиты; брали они с собой и чистые сорочки, а также баночки с мазью, коей врачевали они свои раны: ведь не всегда же в полях и в пустынях, где они сражались и где им наносили раны, был у них под рукой лекарь, разве уж кто-нибудь

из них водил дружбу с мудрым волшебником, который немедленно сажал на облако и направлял к нему по воздуху какую-нибудь девицу или же карлика с пузырьком воды столь целебного свойства, что стоило рыцарю выпить несколько капель - и всех его язв и ран как не бывало; при отсутствии же такого рода помощи прежние рыцари полагали благоразумным позаботиться о том, чтобы их оруженосцы были наделены деньгами и прочими необходимыми вещами, как-то: корпией и лечебными мазями; а у кого из рыцарей почему-либо оруженосца не было, - случай редкий, можно сказать, исключительный, - те сами возили все это в крошечных сумочках, которые они привязывали к лошадиному крупу и, словно некую драгоценность, старались как можно лучше спрятать; впрочем, обычай возить с собою сумочки не принадлежал к числу наиболее распространенных среди странствующих рыцарей. В заключение хозяин посоветовал Дон Кихоту, - хотя, в сущности, он имел право приказывать ему, ибо тот в ближайшем будущем должен был стать его крестником, - впредь без денег и упомянутых снадобий в путь не пускаться: он сам, дескать, увидит, что в один прекрасный день они ему пригодятся. Дон Кихот обещал в точности исполнить все, что ему советовал хозяин, а затем начал готовиться к ночи, которую ему надлежало провести на обширном скотном дворе в бдении над оружием; он собрал свои доспехи, разложил их на водопойном корыте, стоявшем возле колодца, и, взяв копье и щит, с крайне независимым видом стал ходить взад и вперед; и только он начал прогуливаться, как наступила ночь.

Хозяин рассказал своим постояльцам о сумасшествии Дон Кихота, о его намерении провести ночь в бдении над оружием и о предстоящей возне с посвящением его в рыцари. Присутствовавшие подивились такому странному виду умственного расстройства и пошли посмотреть на Дон Кихота издали, а Дон Кихот между тем то чинно прохаживался, то, опершись на копье, впивался глазами в свои доспехи и долго потом не отводил их. Дело было глухою ночью, однако ясный месяц вполне заменял дневное светило, коему он обязан своим сиянием, так что все движения новоиспеченного рыцаря хорошо видны были зрителям. В это время одному из погонщиков, ночевавших на постоялом дворе, вздумалось напоить мулов, для чего надлежало снять с водопойного корыта доспехи нашего рыцаря; и, едва увидев погонщика, Дон Кихот тотчас же заговорил громким голосом: - Кто б ни был ты, о дерзкий рыцарь, осмеливающийся прикасаться к оружию самого доблестного из всех странствующих рыцарей, какие когда-либо опоясывались мечом! Помысли о том, что ты делаешь, и не прикасайся к нему, не то жизнью поплатишься ты за свою продерзость! Погонщик и в ус себе не дул, - а между тем лучше было бы, если бы он дул: по крайности, его самого тогда бы не вздули, - он схватил доспехи и постарался зашвырнуть их как можно дальше. Тогда Дон Кихот возвел очи к небу и, по-видимому, обращая мысленно к госпоже своей Дульсине, сказал: - Помогите мне, госпожа моя, отомстить за оскорбление, впервые нанесенное моему сердцу - вашему верноподданному. Ныне предстоит мне первое испытание - не лишайте же меня защиты своей и покрова.

Продолжая взывать к своей даме, Дон Кихот отложил в сторону щит, обеими руками поднял копье и с такой силой опустил его на голову погонщика, что тот упал замертво, так что если б за этим ударом последовал второй, то ему уже незачем было бы обращаться к врачу. Засим Дон Кихот подобрал свои доспехи и, как ни в чем не бывало, снова стал прогуливаться. Малое время спустя другой погонщик, не подозревавший о том, какая участь постигла первого, - ибо тот все еще лежал без чувств, - вздумал напоить мулов, но как скоро приблизился он к водопойной колоде и, чтобы освободить место, стал снимать доспехи, Дон Кихот, ни слова не говоря и на сей раз ни у кого не испросив помощи, снова отложил в сторону щит, снова поднял копье и так хватил второго погонщика, что не копье разлетелось на куски, но череп погонщика раскололся даже не на три, а на четыре части. На шум сбежались обитатели постоялого двора, в том числе хозяин. Тогда Дон Кихот, одною рукой схватив щит, а другою придерживая меч,

воскликнул:

- О царица красоты, сила и крепость изнемогшего моего сердца! Пора тебе обратить взоры величия своего на преданного тебе рыцаря, на которого столь грозная надвигается опасность! Тут он ощутил в себе такую решимость, что, если б сюда со всего света набегали погонщики, все равно, казалось ему, не отступил бы он ни на шаг. Товарищи раненых погонщиков, найдя их в столь тяжелом состоянии, принялись издали осыпать Дон Кихота градом камней, - тот по мере возможности закрывался щитом, но, не желая оставлять на произвол судьбы свои доспехи, от колоды не отходил. Хозяин кричал на погонщиков и уговаривал их не трогать рыцаря: ведь он же, дескать, предупреждал их, что это сумасшедший, а с сумасшедшего, хоть бы он тут всех переколотил, взятки гладки. Но Дон Кихот кричал еще громче: погонщиков он обозвал изменниками и предателями, а владельца замка - за

то, что тот допускает, чтобы со странствующими рыцарями так поступали, - малодушным и неучтивым кавальеро, да еще прибавил, что если б он, Дон Кихот, был посвящен в рыцари, то владелец замка ответил бы ему за свое вероломство. - А эту пакостную и гнусную чернь я презираю. Швыряйтесь камнями, подходите ближе, нападайте, делайте со мной все что хотите, - сейчас вы поплатитесь за свое безрассудство и наглость. В голосе его слышалась столь грозная отвага, что на его недругов напал необоримый страх; и, отчасти из страха, отчасти же проникшись доводами хозяина, они перестали бросать в него камни, а он, позволив унести раненых, все так же величественно и невозмутимо принялся охранять доспехи. Хозяину надоели выходки гостя, и, чтобы положить им конец, вознамерился он сей же час, пока не стряслось горшей беды, совершить над ним этот треклятый обряд посвящения. Подойдя к нему, он принес извинения в том, что этот подлый народ без его ведома так дерзко с ним обошелся, и обещал строго наказать наглецов. Затем еще раз повторил, что часовни в замке нет, но что теперь всякая необходимость в ней отпала: сколько ему известен церемониал рыцарства, обряд посвящения состоит в подзатыльнике и в ударе шпагой по спине, вот, мол, и вся хитрость, а это и среди поля с успехом можно проделать; что касается бдения над оружием, то с этим уже покончено, потому что бодрствовать полагается всего только два часа, а Дон Кихот бодрствует уже более четырех. Дон Кихот всему этому поверил; он объявил, что готов повиноваться, только предлагает как можно скорее совершить обряд, а затем добавил, что когда его, Дон Кихота, посвятят в рыцари, то в случае, если на него снова нападут, он никого здесь не оставит в живых - впрочем, за кого владелец замка попросит, тех он из уважения к нему пощадит.

Перепуганный владелец замка, не будь дурак, тотчас сбегал за книгой, где он записывал, сколько овса и соломы выдано погонщикам, и вместе со слугой, державшим в руке огарок свечи, и двумя помянутыми девицами подошел к Дон Кихоту, велел ему преклонить колена, сделал вид, что читает некую священную молитву, и тут же изо всех сил треснул его по затылку, а затем, все еще бормоча себе под нос что-то вроде молитвы, славно огрел рыцаря по спине его же собственным мечом. После этого он велел одной из шлюх препоясать этим мечом рыцаря, что та и исполнила, выказав при этом чрезвычайную ловкость и деликатность: в самом деле, немалое искусство требовалось для того, чтобы во время этой церемонии в любую минуту не лопнуть от смеха; впрочем, при одном воспоминании о недавних подвигах новонареченного рыцаря смех невольно замирал на устах у присутствовавших. - Да поможет бог вашей милости стать удачливейшим из рыцарей и да ниспошлет он вам удачу во всех сражениях! - препоясывая его мечом, молвила почтенная сеньора. Дон Кихот объявил, что он должен знать, кто оказал ему такое благодеяние, а потому просит ее назвать себя, ибо намерен разделить с нею почести, которые он надеется заслужить доблестною своею дланью. Она же весьма скромно ответила ему, что зовут ее Непоседа, что она дочь сапожника, уроженца Толедо, ныне проживающего в торговых рядах Санчо Бьенайи, и что с этих пор, где бы она ни находилась, она всегда готова ему служить и почитать за своего господина. Дон Кихот попросил ее об одном одолжении, а именно: из любви к нему прибавить к своей фамилии донья {5} и впредь именоваться доньей Непоседою. Она обещала. Тогда другая девица надела на него шпоры, и с нею он повел почти такую же речь, как и с той, что препоясала его мечом. Он спросил, как ее зовут, она же ответила, что ее зовут Ветрогона и что она дочь почтенного антекерского мельника. Дон Кихот, предложив ей свои услуги и свое покровительство, попросил и ее присовокупить к своей фамилии донья и впредь именоваться доньей Ветрогоною.

Дон Кихот не чаял, как дождаться минуты, когда можно будет снова сесть на коня и отправиться на поиски приключений, и, после того как были закончены все эти доселе невиданные церемонии, совершенные с такою быстротою и поспешностью, он тот же час оседлал Росинанта, сел верхом и, обняв хозяина, в столь мудреных выражениях изъявил ему свою благодарность за посвящение в рыцари, что передать их нам было бы не под силу. В ответ хозяин на радостях, что отделался от него, произнес не менее высокопарную, хотя и не столь пространную, речь и, ничего не взяв за ночлег, отпустил его с миром.

Примечания.

- 1 Перчелес под Малагой - Перчелес - местность в окрестностях города Малаги.
- 2 Риаранские острова - предместье Малаги. Отдельные группы домов носили название "островов".
- 3 Севильский Компас, сеговийский Асогехо, валенсийская (Оливера, гранадская Рондилля - пригородные районы, пользовавшиеся дурной славой.
- 4 Кордовский Потро - предместье в южной части Кордовы, в котором жил уголовный сброд.

ГЛАВА IV О том, что случилось с рыцарем нашим, когда он выехал с постоялого двора.

Уже занималась заря, когда Дон Кихот, ликующий, счастливый и гордый сознанием, что его посвятили в рыцари, от радости подсакивая в седле, выехал с постоялого двора. Но как скоро пришли ему на память наставления хозяина, положил он возвратиться домой, чтобы запастись всем необходимым, главное - деньгами и сорочками; в оруженосцы же себе прочил он одного хлебопашца, своего односельчанина, бедного, многодетного, однако ж для таковых обязанностей как нельзя более подходившего. С этой целью он поворотил Росинанта в сторону своего села, и Росинант, словно почуяв родное стойло, обнаружил такую резвость, что казалось, будто копыта его не касаются земли. Только успел Дон Кихот немного отъехать, как вдруг справа, из чащи леса, до него донеслись тихие жалобы, точно кто-то стонал, и, едва слышав их, он тотчас воскликнул: - Хвала небесам за ту милость, какую они мне явили, - за то, что так скоро предоставили они мне возможность исполнить мой рыцарский долг и пожать плоды моих благих желаний! Не подлежит сомнению, что это стонет какой-нибудь беззащитный или же беззащитная, нуждающиеся в помощи моей

и

защите.

С этими словами он дернул поводья и устремился туда, откуда долетали стоны. Проехав же несколько шагов по лесу, увидел он кобылу, привязанную к дубу, а рядом, к другому дубу, привязан был голый до пояса мальчуган лет пятнадцати, и вот этот-то мальчуган и стонал, и стонал не зря, ибо некий дюжий сельчанин нещадно стегал его ремнем, сопровождая каждый удар попреками и нравоучениями.

- Смотри в оба, а язык держи за зубами, - приговаривал он.

А мальчуган причитал:

- Больше не буду, хозяин, Христом-богом клянусь, не буду, обещаю вам глаз не спускать со стада! Увидев, что здесь происходит, Дон Кихот грозно воскликнул:

- Неучтивый рыцарь! Как вам не стыдно нападать на того, кто не в силах себя защитить! Садитесь на коня, возьмите копьё, - надобно заметить, что у сельчанина тоже было копьё: он прислонил его к тому дубу, к коему была привязана кобыла, - и я вам докажу всю низость вашего поступка. Сельчанин, обнаружив у себя над головой увешанную доспехами фигуру, перед самым его носом размахивавшую копьём, подумал, что пришла его смерть.

- Сеньор кавальеро! - вкрадчивым голосом заговорил он. - Я наказываю мальчишку, моего слугу, который пасет здесь отару моих овец; из-за этого ротозея я каждый день недосчитываюсь овцы. И наказываю я его за разгильдяйство, вернее, за плутовство, а он говорит, что я из скупости возвожу на него напраслину, чтобы не платить ему жалованья, но я клянусь богом и спасением; души, что он врет.

- Как вы смеете, мерзкий грубиян, говорить в моем присутствии, что он врет? - воскликнул рыцарь. - Клянусь солнцем, всех нас освещающим, что я сию минуту вот этим самым копьём проткну вас насквозь. Без всяких разговоров уплатите ему, не то, да будет мне свидетелем всевышний, я с вами разделаюсь и уложу на месте. Ну, отвязывайте его, живо!

Сельчанин, понутив голову, молча отвязал своего слугу; тогда Дон Кихот спросил мальчика, сколько ему должен хозяин. Мальчик ответил, что всего за девять месяцев, считая по семи реалов за месяц. Дон Кихот высчитал, что в сумме это составляет шестьдесят три реала, и сказал сельчанину, чтоб он немедленно раскошеливался, если только ему дорога жизнь. На это испуганный сельчанин ответил так: он, дескать, уже клялся, - хотя до сих пор об этом не было и речи, - и теперь говорит, как на духу, что долг его вовсе не так велик, ибо надлежит принять в расчет и сбросить со счетов стоимость трех пар обуви, которые износил пастух, да еще один реал за два кровопускания, которые были ему сделаны, когда

он

занемог.

- Это все так, - возразил Дон Кихот, - однако вы ни за что ни про что отхлестали его ремнем, - пусть же это пойдет в уплату за обувь и кровопускания: ведь если он порвал кожу на башмаках, которые вы ему купили, то вы, в свою очередь, порвали ему собственную его кожу. И если цирюльник пускал ему кровь, когда он был болен, то вы пускаете ему кровь, когда он находится в добром здравии. Таким образом, тут вы с ним в расчете.

- Беда в том, сеньор кавальеро, что я не взял с собой денег, - придется Андреусу пойти со мной, и дома я уплачу ему все до последнего реала.

- Чтобы я с ним пошел? - воскликнул мальчуган. - Час от часу не легче! Нет, сеньор, ни за что на свете.

Если я останусь с ним наедине, то он сдерет с меня кожу, вроде как со святого Варфоломея или с кого-то там еще.

- Он этого не сделает, - возразил Дон Кихот, - я ему прикажу, и он не посмеет меня ослушаться. Пусть только он поклянется тем рыцарским орденом, к которому он принадлежит, и я отпущу его на все четыре стороны и поручусь, что он тебе заплатит.

- Помилуйте, сеньор, что вы говорите! - воскликнул мальчуган. - Мой хозяин - вовсе не рыцарь, и ни к какому рыцарскому ордену он не принадлежит, - это Хуан Альдудо, богатый крестьянин из деревни Кинтанар.

- Это ничего не значит, - возразил Дон Кихот, - и Альдудо могут быть рыцарями. Тем более что каждого человека должно судить по его делам.

- Это верно, - согласился Андрес, - но в таком случае как же прикажете судить моего хозяина, коли он отказывается платить мне жалованье, которое я заработал в поте лица?

- Брат мой Андрес, да разве я отказываюсь? - снова заговорил сельчанин. - Сделай милость, пойдем со мной, - клянусь всеми рыцарскими орденами, сколько их ни развелось на свете, что уплачу тебе, как я уже сказал, все до последнего реала, с радостью уплачу.

- Можно и без радости, - сказал Дон Кихот, - уплатите лишь ту сумму, которую вы ему задолжали: это все, что от вас требуется. Но бойтесь нарушить клятву, иначе, клянусь тою же самою клятвою, я разыщу вас и накажу: будь вы проворнее ящерицы, я все равно вас найду, куда бы вы ни спрятались. Если же вы хотите знать, от кого получили вы этот приказ, дабы тем ревностнее приняться за его исполнение, то знайте, что я - доблестный Дон Кихот Ламанчский, заступник обиженных и утесненных, засим оставайтесь с богом и под страхом грозящей вам страшной кары не забывайте обещанного и скрепленного клятвою.

С этими словами он прищипорил Росинанта и стал быстро удаляться. Сельчанин посмотрел ему вслед и, удостоверившись, что он миновал рощу и скрылся из виду, повернулся к слуге своему Андресу и сказал:

- Поди-ка сюда, сынок! Сейчас я исполню повеление этого заступника обиженных и уплачу тебе долг.

- Я в этом нимало не сомневаюсь, ваша милость, - заметил Андрес. - В ваших же интересах исполнить повеление доброго рыцаря, дай бог ему прожить тысячу лет; он такой храбрый и такой справедливый, что, если вы мне не уплатите, клянусь святым Роке, он непременно вернется и приведет угрозу свою в исполнение.

- Я тоже в этом не сомневаюсь, - сказал сельчанин, - но я так люблю тебя, желанный мой, что желаю еще больше тебе задолжать, чтобы затем побольше заплатить.

Тут он схватил мальчугана за руку и, снова привязав его к дубу, всыпал ему столько горячих, что тот остался чуть жив.

- Теперь зовите заступника обиженных, сеньор Андрес, посмотрим, как он за вас заступится, - сказал сельчанин. - Полагаю, впрочем, что я вас еще недостаточно обидел, - у меня чешутся руки спустить с вас шкуру, чего вы как раз и опасались.

Однако ж в конце концов он отвязал его и позволил отправиться на поиски своего судьи, дабы тот претворил в жизнь вынесенное им решение. Пастушонок с кислою миною удалился, поклявшись сыскать доблестного Дон Кихота Ламанчского и во всех подробностях рассказать ему о том, что произошло, дабы он принудил хозяина заплатить сторицей. Как бы то ни было, Андрес ушел в слезах, а хозяин посмеивался.

Тем временем доблестный Дон Кихот, заступившись таким образом за обиженного, в восторге от этого происшествия, которое показалось ему великолепным и счастливым началом рыцарских его подвигов, и весьма довольный собою, ехал к себе в село и вполголоса говорил:

- По праву можешь ты именоваться счастливейшею из всех женщин, ныне живущих на земле, о из красавиц красавица Дульсинея Тобосская! Судьбе угодно было превратить в послушного исполнителя всех прихотей твоих и желаний столь отважного и столь славного рыцаря, каков есть и каким будет всегда Дон Кихот Ламанчский; всем известно, что только вчера вступил он в рыцарский орден, а сегодня уже искоренил величайшее зло и величайшее беззаконие, какие когда-либо вкупе с жестокостью творила неправда, - ныне он вырвал бич из рук этого изверга, что истязал ни в чем не повинного слабого отрока.

Тут он приблизился к тому месту, где скрещивались четыре дороги, и воображению его тотчас представились странствующие рыцари, имевшие обыкновение останавливаться на распутье и размышлять о том, по какой дороге ехать; и в подражание им он тоже постоял, постоял, а затем,

пораскинув умом, опустил поводья и всецело положился на Росинанта, Росинант же не изменил первоначальному своему намерению, то есть избрал путь, который вел прямо к его конюшне. Дон Кихот проехал уже около двух миль, когда глазам его открылось великое скопление народа: как выяснилось впоследствии, то были толедские купцы, направлявшиеся за шелком в Мурсию.

Их было шестеро, и ехали они под зонтиками в сопровождении семи слуг, из коих четверо сидели верхами, а трое шли пешком и погоняли мулов. Завидев их, Дон Кихот тут же вообразил, что его ожидает новое приключение; между тем он задался целью по возможности действовать так, как действуют в романах, потому-то и почел он уместным одно из подобных деяний совершить теперь же. Того ради он вытянулся на стремянах, сжал в руке копье, заградился щитом и в ожидании странствующих рыцарей, за каковых он принимал и почитал толедских купцов, с крайне независимым и гордым видом остановился на самой дороге; когда же те подъехали к нему так близко, что могли видеть и слышать его, Дон Кихот принял воинственную позу и возвысил голос: - Все, сколько вас ни есть, - ни с места, до тех пор, пока все, сколько вас ни есть, не признают, что, сколько бы ни было красавиц на свете, прекраснее всех ламанчская императрица Дульсинея Тобосская!

Встреч-ные купцы, которых Дон Кихот заставлял признать Дульсинею Тобосскую самой прекрасной дамой на свете, стали над ним насмехаться, а когда он ринулся на них с копьем, отдубасили его так, что домой он прибыл избитый и обессиленный.

Священник и цирюльник, односельчане Дон Кихота, с которыми он часто спорил о рыцарских романах, решили сжечь зловредные книги, от которых он повредился в уме. Они просмотрели библиоте-ку Дон Кихота и почти ничего не оставили от нее, кроме 'Амадиса Галльского' и еще нескольких книг.

Дон Кихот предложил одному хлебопашцу - Санчо Пансе - стать его оруженосцем и столько ему наговорил и наобещал, что тот согласился. И вот однажды ночью Дон Кихот сел на Росинанта, Санчо, мечтавший стать губернатором ост-рова, - на осла, и они тайком выехали из села.

Глава 7.

О победе, одержанной доблестным рыцарем дон Кихотом в ужасном, доселе неслыханном приключении с ветряными мельницами

Тут они увидели тридцать или сорок ветряных мельниц, стоявших посреди поля. Заметив их еще издали, Дон Кихот сказал своему оруженосцу:

—Благосклонная судьба посылает нам удачу. Посмотри в ту сторону, друг Санчо! Вон там на равнине собрались великаны. Сейчас я вступлю с ними в бой и перебью их всех до единого. Они владеют несметными сокровищами; одержав над ними победу, мы станем богачами. Это—праведный бой, ибо самому богу угодно, чтобы сие злое семя было стерто с лица земли.

—Да где же эти великаны? — спросил Санчо Панса.

—Да вот они перед тобой! — ответил Дон Кихот. — Видишь, какие у них огромные руки? У иных чуть ли не в две мили длиной.

—Поверьте, ваша милость, — это вовсе не великаны, а ветряные мельницы. А то, что вы называете руками, вовсе не руки, а крылья, которые вертятся от ветра и приводят в движение жернова.

— Сразу видно, — сказал Дон Кихот, — что ты еще не опытен в рыцарских приключениях. Это великаны! Если тебе страшно, так отойди в сторону и читай молитвы, а я тем временем вступлю с ними в жестокий неравный бой!

С этими словами Дон Кихот вонзил шпоры в бока Росинанта и помчался вперед, не слушая воплей своего оруженосца.

— Не бегите, презренные создания! — вскричал он. — Вас много! А против вас только один рыцарь!

В эту минуту поднялся легкий ветер, и огромные крылья начали вращаться. Увидев это, Дон Кихот закричал еще громче:

— Будь у вас рук больше, чем у гиганта Бриарея, вам все равно не избежать вашей участи!

И, поручив душу своей даме Дульсинее Тобосской, Дон Кихот ринулся на ближайшую к нему мельницу и со всего размаха вонзил копьё в её крыло.

Но тут сильный порыв ветра повернул крыло. Копьё сломалось, а рыцарь вместе с лошастью отлетел далеко в сторону.

Увидев это, Санчо во всю прыть поскакал на помощь своему господину. Дон Кихот лежал словно мертвый, ошеломленный страшным ударом мельничного крыла.

—Вот видите, ваша милость!—воскликнул Санчо.—Ну, не говорил ли я, что это ветряные мельницы, а не великаны. Ведь это лишь тот не видит, у кого самого мельница в голове.

— Молчи, друг Санчо, — ответил Дон Кихот. — Ты ничего не понимаешь в рыцарских делах. Я уверен, что это новые проделки того самого волшебника Фрестона, **который похитил у меня мою библиотеку. Это он превратил великанов в мельницы, чтобы лишить меня победы. Так сильна его вражда ко мне. Но рано или поздно я разрушу его злые чары.**

— Все может быть, — согласился Санчо Панса, он помог Дон Кихоту подняться и сесть на Росинанта, который едва не вывихнул себе передние ноги в злосчастной схватке с волшебными великанами.

Наш рыцарь с верным оруженосцем поехали, беседуя об этом приключении. -'

— Больше всего,—сказал Дон Кихот,—меня огорчила утрата копьё. Но я вспоминаю рассказ об одном таком рыцаре, по имени Диего Перес де Варгас; у рыцаря во время сражения сломался меч; то отломал от дуба тяжелый сук и с этой дубинкой совершил столько подвигов и перебил такое множество врагов, что его стали называть Варгас-Дубинка. Я последую примеру Варгаса и с первого же дуба, что попадется нам по дороге, отломаю себе увесистый сук. С этим суком в руках я совершу великие подвиги, Ты будешь счастлив, что удостоился чести быть их свидетелем!

—На все воля божья,—ответил Санчо,—я верю, что ваша милость изволит рассказывать. Только, держитесь на седле тверже, сеньор мой, а то вы съехали набок: должно быть, вы здорово ушиблись

—Да, это правда, — сказал Дон Кихот, — и не жалуясь на боль, то только потому, что странствующие рыцари не должны жаловаться на раны, хотя бы вываливались все внутренности.

—Ну, коли так, мне нечего возразить,—ответил Санчо — А что касается меня, так я заору от самой маленькой царапины, если только рыцарские правила не запрещают кричать от боли и оруженосцам рыцарей.

Дон Кихот посмеялся простодушию Санчо и сказал, что он никогда не читал в рыцарских романах, чтобы оруженосцам запрещалось стонать от боли. Поэтому Санчо может кричать, стонать и жаловаться, сколько ему вздумается.

Тут Санчо поглядел на солнце и заявил, что не мешало бы закусить.

Дон Кихот ответил, что он еще не чувствует голода, но если Санчо хочется есть, то пусть не стесняется. Получив это милостивое разрешение, Санчо устроился поудобнее на своем осле, достал из котомки провизию и принялся закусывать. Каждый проглоченный кусок он запивал глотком вина из бурдюка с таким удовольствием, что ему позавидовал бы любой хозяин постоянного двора. Плеться шажком и попивая винцо, Санчо размышляя о том, что странствия в поисках приключений, хотя бы и самых опасных, вовсе не труд, а одно удовольствие.

Тем временем совсем стемнело, и наши путники, свернув с дороги, расположились на ночлег. Дон Кихот отломил от ближайшего дерева огромный сук и прикрепил к нему железный наконечник от сломанного колья. Желая во всем подражать славным героям своих излюбленных романов, Дон Кихот решил всю ночь провести без сна в мечтах о своей даме Дульсинее.

А Санчо, плотно закусив, как мертвый проспал до утра. Если бы Дон Кихот не разбудил его, то он не проснулся бы ни от лучей солнцу ударявших ему прямо в лицо, ни от пения множества птиц, радостно приветствовавших наступление нового дня. Поднявшись, он первым делом взялся за бурдюк и очень опечалился, заметив, что винца в нем порядком поубавилось. Он боялся, что эту убыль ему не скоро удастся пополнить. Но Дон Кихот отказался от завтрака, ибо, как мы уже сказали, он питался одними сладостными мечтами.

Они поехали дальше по направлению к ущелью Пуэрто Лаписе и часам к трем дня добрались до него.

—Здесь, братец Санчо,—сказал Дон Кихот,—нас ждут необыкновенные приключения. Но помни: какие бы опасности ни угрожали мне, ты не должен обнажать меча на мою защиту. Оруженосцу позволено помогать своему господину только тогда, когда на него нападает простая чернь—какой-

нибудь сброд. Но если это будут рыцари, то по законам рыцарства тебе строжайше запрещается вмешиваться в бой, пока ты сам еще не посвящен в рыцари.

— Можете быть спокойны, сеньор,—ответил Санчо,— я не ослушаюсь ваших приказаний; я от природы человек миролюбивый и первый никогда в драку не полезу. Однако скажу прямо, — если мне придется защищать собственную шкуру, то тут уж я не посмотрю ни на какие рыцарские законы и буду обороняться от обидчиков, как сумею.

— Ну, это твое дело, — сказал Дон Кихот. — Я только хотел предупредить тебя. Никогда не вмешивайся в мои схватки с рыцарями. Постарайся сдерживать свой пыл и отвагу.

— На этот счет будьте покойны, ваша милость. Обещаю исполнять ваше приказание так же свято, как заповедь праздновать воскресные дни!

ГЛАВА VIИ

о славном бое между храбрым бискайцем и доблестным ламанчцем

Пока они вели эту беседу, на дороге показались два монаха-бенедиктинца. Они ехали на высоченных мулах, которых издали можно было принять за верблюдов. Зной и пыль заставили путников раскрыть широкие зонтики и надеть дорожные очки. За монахами ехала карета, окруженная четырьмя или пятью всадниками и двумя пешими погонщиками. (Как выяснилось впоследствии, в карете находилась дама, направлявшаяся в Севилью к мужу.) Едва Дон Кихот увидел монахов, он крикнул своему оруженосцу:

— Ну, братец Санчо, нам предстоит такое замечательное приключение, лучше которого и не придумаешь! Нет сомнения, что эти всадники в черном—злые волшебники, похитившие какую-то принцессу, чтобы увезти ее бог знает куда. Но я во что бы то ни стало должен расстроить их адскую затею.

— Смотрите, ваша милость, — ответил Санчо Панса, — как бы вам не впутаться в скверную историю. Эти всадники в черном просто-напросто монахи-бенедиктинцы, а в карете, должно быть, едут какие-нибудь путешественники. Остановитесь, сеньор! Подумайте хорошенько, что вы делаете!

— Я уже говорил тебе, Санчо, что ты ничего не смыслишь в рыцарских приключениях. Но меня не проведешь!

С этими словами он поскакал вперед, и, когда монахи приблизились на такое расстояние, что могли услышать эти слова, он остановил Росинанта и закричал громким голосом:

— О вы, злобные исчадия ада, освободите немедленно благородных принцесс, которых вы похитили, не то приготовьтесь принять смерть от моей руки, как достойную кару за ваши злодеяния!

Монахи придержали мулов и остановились, пораженные странным видом и нелепыми речами Дон Кихота. Опомнившись от изумления, они ответили:

— Сеньор рыцарь, мы вовсе не злобные исчадия ада, а монахи ордена святого Бенедикта. Мы путешествуем по, своим делам. А кто едет или кого везут в этой карете, нам неизвестно.

— Нет, вам не обмануть меня! Знаю я вас, подлые лжецы! — воскликнул Дон Кихот.

И, не дожидаясь ответа, он пришпорил Росинанта и, опустив копье, с такой яростной отвагой напал на одного из монахов, что, если бы тот сам не бросился на землю, он бы, наверное, вышиб его из седла и опасно ранил, а не то, пожалуй, и убил.

Заметив, что монах лежит на земле, Санчо соскочил с осла и, подбежав к нему, стал снимать с него платье. Двое слуг, сопровождавших монахов, с угрозами набросились на Санчо. Напрасно Санчо кричал им, что по рыцарским законам он вправе получить добычу, которую завоевал в бою его господин. Слуги ничего не смыслили в рыцарских законах. Заметив, что Дон Кихот вступил в разговор с путешественницей и не глядит в их сторону, они повалили Санчо на землю и избили его до полусмерти. Тем временем перепуганный насмерть монах поднялся с земли, вскочил на мула и помчался к поджидавшему его поодаль спутнику. Затем оба бенедиктинца, не дожидаясь, чем кончится эта странная история, поскакали дальше, крестясь с таким ужасом, словно сам дьявол гнал за ними по пятам.

Между тем Дон Кихот обратился с такой речью к даме, сидевшей в карете:

— Ваша светлость, — начал он, — вольна теперь располагать собой, как ей заблагорассудится, ибо наглость ваших похитителей уже повержена в прах мощью моей руки. Но вы должны знать имя вашего спасителя. Я — Дон Кихот Ламанчский, странствующий рыцарь, плененный несравненной и прелестной доньей Дупьсинеей Тобосской. В награду за услугу, которую я вам оказал, прошу лишь об одном: поезжайте в Тобосо, явитесь пред лицом моей дамы и скажите ей, что это я даровал вам свободу.

Один из конюхов, сопровождавших карету, родом бискаец, услышав, что Дон Кихот требует, чтобы они вернулись в Тобосо, подъехал к нему, схватил за копье и закричал на ломаном испанском языке:

— Ходи себе, рыцарь, ходи к черту! Клянусь господом создателем, пусти карету, не то твоя голова долой, не будь я бискаец!

Дон Кихот отлично его понял и с большим достоинством ответил:

— Жалкое создание! Если бы ты был не слугою, а рыцарем, я проучил бы тебя за дерзость и нахальство.

Но взбешенный бискаец закричал:

— Как не рыцарь! Клянусь богом, ты врешь! Бросай колье, бери меч. Я бискайская земля, идалго на море, идалго на земле. Я тебе покажу, рыцарь я или нет.

Эти дерзкие слова привели в ярость Дон Кихота.

— О, Дульсинея, госпожа моего сердца и цвет красоты, помогите вашему рыцарю, который вступает в отчаянный бой, чтобы воздать должное вашей добродетели.

И, швырнув колье на землю, он выхватил меч и с бешеной отвагой устремился на бискайца. Но и бискаец не струсил. В мгновение ока он вытащил из стоявшей рядом кареты подушку и прикрылся ею, словно щитом, и поджидал врага, не двигаясь с места. Зрители, затаив дыхание, взирали на эту страшную схватку. Дама в карете и ее служанки творили молитвы, призывая всех святых на помощь своему слуге.

Первым нанес удар вспыльчивый бискаец. Он обрушился на врага с такой яростью и силой, что, не повернись у него в руке меч, этот удар положил бы конец не только жестокому поединку, но и всем дальнейшим похождениям нашего рыцаря. Но благосклонная судьба, хранившая Дон Кихота для новых подвигов, повернула меч в руке противника так, что удар пришелся плашмя по левому плечу. Однако шлем его был разбит, край уха срезан, а с левого бока сорваны доспехи, которые с ужасающим грохотом упали на землю.

Какое перо может описать ярость, охватившую Дон Кихота? Выпрямившись в стременах, он с таким бешенством ударил бискайца по голове, что у того из носа, и ушей полилась кровь, он зашатался и, наверное, вылетел из седла, если бы не ухватился за шею мула. Поводья выпали у него из рук, ноги выпали из стремян; перепуганный мул помчался по полю и наконец сбросил своего хозяина на землю. Когда бискаец свалился, Дон Кихот спрыгнул с лошади, подбежал к поверженному врагу и, занеся над ним свой меч, крикнул, чтобы тот сдавался. Но бискаец был так оглушен, что не мог вымолвить ни слова; наверное, пришлось бы худо: ослепленный гневом, Кихот не пощадил бы его. Но, на счастье бедняги, дама, с трепетом следившая за поединком, выскочила из кареты и кинулась к нашему рыцарю, моля даровать жизнь ее слуге.

— Я всегда к вашим услугам, прекрасная дама, большой важностью и достоинством ответил — и с удовольствием исполню вашу просьбу, но на условии: этот рыцарь должен обещать мне, что отправится в село, называемое Тобосо, и предстанет от моего имени перед несравненной доньей Дульсинеей, уж она распорядится им, как ей будет угодно.

Перепуганная и огорченная дама, не разобрав толков, о чем он ее просит, и даже не расспросив, кто такая эта Дульсинея, обещала, что ее слуга в точности и приказание рыцаря.

— Я верю вашему слову, — сказал Дон Кихот, — пощажу его, хотя он заслуживает жестокой кары.

На постоялом дворе, где они остановились переночевать, служанка стала пробираться в темноте к погонщику, с которым договорилась о свидании, но по ошибке наткнулась на Дон Кихота, который решил, что это влюбленная в него дочь хозяина замка. Поднялся переполох, завязалась драка, и Дон Кихоту, а особенно ни в чем не повинному Санчо Пансе, здорово досталось. Когда Дон Кихот, а вслед за ним и Санчо, отказались платить за постой, несколько случившихся там людей стащили Санчо с осла и стали подбрасывать на одеяле, как собаку во время карнавала.

ГЛАВА XIII о том, как Дон Кихот сражался со стадом баранов

Когда измученный, еле живой Санчо подъехал к своему господину, Дон Кихот сказал бедняге:

— Знаешь, мой добрый Санчо, теперь я окончательно убедился, что этот замок, или, как ты его

называешь, постоянный двор, наверно, заколдован. Эти злодеи, так жестоко потешавшиеся над тобой, не могут быть обыкновенными людьми; это, конечно, призраки, выходцы с того света, могущественные волшебники. Они и на меня наслали чары, ибо я был словно прикован к своему седлу и не мог двинуться с места. Но, клянусь честью, если бы мне удалось перелезть через забор, я бы жестоко отомстил за тебя, — я бы нарушил даже рыцарский закон, запрещающий рыцарю вступать в бой с не посвященными в рыцарский сан.

— Да я и сам отомстил бы за себя, — ответил Санчо, — не ослабей я так после дьявольского бальзама. Но что поделаешь, когда не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Однако вы напрасно думаете, ваша милость, что негодяи, потешавшиеся надо мной, — призраки или волшебники. Это самые обыкновенные люди из мяса и костей, вроде нас с вами. У каждого из них есть свое имя, — я слышал, как они перекликались: одного звали Педро Мартинес, другого Тенорио Эрнандес, а хозяина двора зовут Хуан Паломеке-Левша. Так что, сеньор, если вы не могли перелезть через забор и сойти с лошади, то дело тут совсем не в колдовстве. Где уж избитому до полусмерти человеку лазить через заборы! Однако скажу вам, ваша милость: все эти поиски приключений доведут нас до таких злосключений, что, чего доброго, мы скоро разучимся отличать свою правую ногу от левой. Уж простите меня, дурака. Но самое лучшее и разумное, что мы можем сделать, пока нас еще не совсем искалечили, — это вернуться домой. Уже близко время жатвы; самая пора теперь заняться хозяйством, вместо того, чтобы бродить по свету, кидаясь из огня да в полымя.

— Мой бедный Санчо! Как мало ты сведущ в рыцарских делах! Молчи и вооружись терпением! Настанет, ты собственными глазами увидишь, какое это благое дело посвятить себя рыцарским подвигам, мне, что может дать большую радость и удовлетворение чем победа над врагом? Признайся, что лучше этого нет ничего на свете.

— А хотя бы и так — ответил Санчо, — в этих делах! ничего не смыслю. Знаю только одно: с того дня, как сделались странствующими рыцарями, — вернее сказать, — сделались вы, сеньор, потому что я только оруженосец, — мы не одержали ни одной победы, победы над бискайцем, да и то в этом сражении милость потеряла пол-уха и полшлема. С тех пор ничего не видели, кроме колотушек да зуботычин. А мне на долю выпало сверх того подбрасывание на проклятом одеяле. А вы еще, словно в насмешку, говорите, что подбрасывали меня не люди, а какие-то призраки, которым я и отомстить-то не могу, испытать, так ли велико удовольствие от мести, утверждает ваша милость.

— Потерпи немного, Санчо, — ответил Дон Кихот, надеюсь добыть меч, обладающий чудесным кто им владеет, не подвластен никакому колдовству. Возможно, что счастливая судьба даст мне в руки Амадиса, — а это один из самых замечательных мечей мире, потому что он остер, как бритва, и нет прочных или заколдованных доспехов, которые мог бы устоять против него.

— Боюсь, — ворчал Санчо, — что если вашей милости и удастся добыть такой меч, то он окажется при! только для рыцарей, а оруженосцу придется расплачиваться своими боками.

— Отбрось свой страх, Санчо, — сказал Дон Кихот, — скоро небо будет благосклоннее к тебе.

Занятые этой беседой, они медленно ехали вперед, как вдруг Дон Кихот заметил на дороге огромное облако густой пыли. Увидев его, он обернулся к Санчо и вскричал радостным голосом:

— Настал день, о Санчо, когда ты увидишь, к каким великим подвигам готовила меня судьба. Вот, наконец, такое приключение, где мне понадобится вся мощь моей руки; я совершу деяния, которые будут вписаны в Книгу славы для поучения потомству. Видишь, Санчо, встающее впереди облако пыли? Оно скрывает огромное войско, направляющееся в нашу сторону.

— Уж если на то пошло, — заметил Санчо, — то целых два войска, потому что с другой стороны несется точно такое же облако.

Дон Кихот оглянулся и очень обрадовался, убедившись, что Санчо говорит правду. Его расстроенному воображению всегда и всюду мерещились битвы, чары, приключения, подвиги, любовные безумства и поединки, о которых рассказывается в рыцарских романах. Не мудрено поэтому, если он ни на минуту не сомневался, что это двигаются навстречу друг другу две враждебные армии. На самом же деле эту пыль подняли два больших стада баранов, которых перегоняли с одного пастбища на другое. Но Дон Кихот с таким жаром утверждал, что это две огромные армии, что Санчо в конце концов поверил и спросил:

— Сеньор, если это и вправду два враждебных войска, так что же нам-то делать?

— Что делать? — воскликнул Дон Кихот. — Наше дело — помогать угнетенным и слабым. Мы обязаны поддержать ту сторону, которая больше всего будет нуждаться в помощи. Знай, Санчо, что армией, идущей к нам навстречу, предводительствует великий император Али-фанфарон, повелитель

огромного острова Трапобаны, а тот, кто ведет войска позади нас, — его враг, король гарамантов Пентаполин.

— А из-за чего воюют эти два сеньора? — спросил Санчо.

— Из-за того, — ответил Дон Кихот, — что Алифанфарон влюбился в дочь Пенталолина, очаровательную девушку, христианку; Алифанфарон язычник, и отец девушки не хочет выдавать ее за языческого короля, пока тот не отречется от лжепророка Магомета и не примет нашей веры.

— Пропади моя борода, — воскликнул Санчо, — если Пенталолин не вполне прав! Я от всего сердца рад помочь ему.

— Этим ты исполнишь свой долг, — оказал Дон Кихот, — потому что для участия в таких сражениях совсем не надо быть рыцарем.

— Это-то я понимаю, — ответил Санчо. — Но вот в чем беда: куда мы спрячем моего осла, чтобы потом найти его? Мне кажется, что не подобает вступать в бой, сидя верхом на осле. — Ты совершенно прав, — сказал Дон Кихот. — Пустим его на все четыре стороны и не заботься, найдется ли после. Одержав победу, мы добудем тысячи лошадей, так что даже Росинанту грозит опасность, что я поменяю его на лучшего коня. А теперь, пока дело не до битвы, слушай меня внимательно: я тебе перечислю главных рыцарей обеих армий. Но, чтобы тебе лег было рассмотреть их, подыдемся на соседний пригорок, откуда будут хорошо видны оба войска.

Так они и сделали, но и с пригорка нельзя было ничего толком разглядеть. Густая пыль скрывала оба однако это не смутило Дон Кихота. В своем воображении наш рыцарь видел две враждебные армии, вперед руку, он уверенно заговорил:

— Смотри, Санчо, вот рыцарь в золоченых доспехах, на его щите изображен лев с короной, лежащий у ног девушки. Это доблестный Лауркалько, повелитель Пуэнте де Плата. Рядом с ним воин в доспехах, украшенных золотыми цветами, это — грозный Микоколембо, великий герцог Киросии. Дальше, справа от него — настоящий великан, неустрашимый Брандабарбаран де Боли-че, повелитель трех Аравии, на нем панцирь из змеиной кожи, а в руках у него вместо щита дверь, принадлежавшая храму, который разрушил Самсон, когда он, умирая, мстил своим врагам. Теперь, если ты обратишь взоры в другую сторону, ты увидишь во главе противоположной армии вечно побеждающего и ни разу еще не побежденного Тимонеля Каркахонского, властителя Новой Бискайи; на нем лазурные доспехи, покрытые золотом и серебром в руках у него щит с изображением золотой кошки и с надписью «Мяу». Как утверждают, это сокращенное имя его дамы — несравненной Миулины, дочери герцога Альфеньикена Альгарбского. Рядом с ним на могучем коне молодой рыцарь в белоснежных доспехах и с белым щитом без девиза. Этот вновь посвященный рыцарь, француз Пьер Папин, сеньор Утрикский. А тот, что подальше, в небесно-лазоревых доспехах, вонзающий железные шпоры в бока своей быstroногой полосатой зебры, — могучий герцог Персии Эспартафи лардо даль Боске, с пучком спаржи на щите и девизом, написанным по-кастильски: «Проследи мою судьбу».

И, воодушевляясь все больше и больше, Дон Кихот перечислял множество рыцарей обеих воображаемых армий, надевая каждого особыми приметами, гербом и девизом.

— В войске, что впереди нас, — продолжал он без передышки, — собраны самые различные племена. Тут есть народы, пьющие сладкие воды прославленного Ксанфа; за ними следуют горцы, пришедшие из окрестностей Массилии; далее идут племена, просеивающие чистейший золотой лесок в счастливой Аравии. Вот блаженные народы, живущие на дивных прохладных берегах светлого Термодонта. Далее движутся нумидийцы, не верные своему слову; за ними персы, прославленные за свою стрельбу из лука; мидяне и парфяне, сражающиеся на бегу; арабы с их кочевыми шатрами; скифы, столь же известные своей жестокостью, как и белизной кожи; эфиопы с проколотыми губами и многое множество других народов, имена которых я не в силах вспомнить. В другой армии впереди всех шествуют племена, утоляющие свою жажду хрустальной водой Бетиса, берега которого покрыты оливковыми рощами; за ними выступают те, что освежают и умывают свои лица влагою многоводного, золотоносного Тахо; еще дальше те, кто обитает на плодоносных берегах дивного Хениля. А вот народы, беззаботно живущие на роскошных лугах Хереса. Взгляни: вот и богатые ламанчцы в венках из золотых колосьев; вот и последние потомки древних готов, пасущие стада свои на просторных лугах у вод извилистой Гвадианы; вот те, что дрожат от холода в лесистых Пиренеях и на снежных высотах Апеннин. Словом, Санчо, ты видишь здесь все племена и все народы, какие только существуют во вселенной. Каких только стран не назвал Дон Кихот, каких государств он не перечислил!

Многие из них существовали только в романах, которыми была набита его голова. Санчо внимательно слушал своего господина, не решаясь вымолвить ни слова. Только время от времени

поворачивал он голову в не увидеть рыцарей и великанов, которых называл Дон Кихот. Но, кроме облаков пыли, он ничего не мог разглядеть, конце концов Санчо не выдержал и воскликнул:

—Куда к черту запропастились, сеньор, все эти и великаны, о которых вы толкуете? Я, по крайней мере,

ни одного из них не вижу. Или все они также очарованы, как призраки, являвшиеся к нам прошлой ночью?

—Что ты говоришь!—воскликнул Дон Кихот.—Неужели ты не слышишь ржания коней, барабанного боя и звуков труб?

— Ничего я не слышу, — ответил Санчо, — кроме блеянья овец и баранов.

Действительно, оба стада баранов были уже совсем близко.

— Страх, овладевший тобой, — сказал Дон Кихот, — мешает тебе видеть и слышать. Ведь страх-то в том и выражается, что наши чувства теряют свою ясность и все представляется в искаженном виде. Но раз ты так боишься, то отойди в сторонку и предоставь мне действовать одному. Поверь, что я один сумею даровать победу тем, кому явлюсь на помощь.

С этими словами он вонзил шпоры в бока Росинанта и, взяв копьё наперевес, с быстротой молнии помчался с пригорка.

— Господин мой, сеньор Дон Кихот, — принялся кричать Санчо,—вернитесь! Клянусь создателем, вы нападаете на овец и баранов! Вернитесь, заклинаю вас именем моего отца! Ну что это за безумие! Поверьте мне, здесь нет ни великанов, ни рыцарей, ни доспехов, ни щитов, ни небесной лазури, ни всей этой чертовщины! Да что же это он делает, грехи мои тяжкие!

Но ничего не могло остановить Дон Кихота. Несясь во весь опор, он громко восклицал:

—Мужайтесь, верные защитники благородного Пента-полина! Вперед, за мной! Я отомщу вашему врагу, низкому Алифанфарону!

С этими словами он врвался в самую гущу стада овец и принялся колоть их своим копьём с такой яростной отвагой, словно это были его смертельные враги. Напрасно пастухи отчаянными воплями пытались остановить его. Дон Кихот не унимался и продолжал разить направо и налево. Тогда, видя, что слова не помогли пастухи взялись за свои пращи и стали швырять в Дон Кихота камнями величиной с кулак. А тот метался среда обезумевшего стада, восклицая: —Где ты, надменный Алифанфарон? Выходи на бой— рыцарь, готовый один на один сразиться с тобой и наказать тебя за дерзкое нападение на Пэнтаполина Герамантского.

Но тут ему в бок попал такой увесистый булыжник, что едва не раздробил костей.

От адской боли Дон Кихот решил, что он уже убит или смертельно ранен; вспомнив про свой бальзам, он схватил жестянку и поднес ее ко рту. Но, прежде чем он успел сделать несколько глотков, второй булыжник выбил жестянку у него из рук и разможил челюсть. Если уже от первого удара у бедного рыцаря помутилось в голове, то от второго он без чувств упал на землю. Подбежавшие к нему пастухи вообразили, что он убит. Они поспешно собрали свое стадо, взвалили себе на плечи штук семь покалеченных овец и поскорее убрались восвояси,

А Санчо, глядя с пригорка на безумства своего господина, рвал на себе волосы, проклиная тот день и час, когда судьба связала его с безумным идальго.

Когда пастухи со своими стадами удалились, Санчо спустился с холма и подбежал к Дон Кихоту, лежавшему недвижно на земле.

—Ну, не прав ли я был, сеньор Дон Кихот?—воскликнул Санчо.—Ведь я же кричал вам, что это не армия, а всего- навсего стадо баранов.

— Санчо, друг мой, — слабым голосом ответил Дон Кихот, — поверь, что все это — подлые козни моего коварного врага, волшебника, вечно преследующее меня! Завидуя славе, которую я должен был завоевать в этой битве, он превратил вражескую армию в баранов. Ты легко можешь убедиться, Санчо, что я говорю правду; садись на осла и поезжай за ними. Ты увидишь, что, отъехав подальше от меня, рыцари снова примут свое прежнее обличье и из баранов превратятся в славных воинов. Но, впрочем, погоди. Прежде всего помоги мне. Боюсь, что я получил тяжелые раны.

Санчо кинулся к ослу, чтобы достать из сумки мазь и бинты и перевязать раны Дон Кихота, но сумки не было. Убедившись в этом, Санчо чуть не сошел с ума от горя. Он сыпал ужасными проклятиями, клялся, что бросит своего господина и вернется домой, кричал, что ему плевать на все острова и губернаторства.

Тем временем Дон Кихот поднялся, придерживая рукой разбитую челюсть. Он ваял под уздцы верного Росинанта, который ни на минуту не отходил от своего хозяина, и направился к Санчо. Санчо

стоял молча, припав грудью к своему ослу и закрывая лицо руками. Видя его глубокое отчаяние, Дон Кихот сказал:

— Знай, Санчо, — тому, кто хочет возвыситься над другими, и терпеть приходится больше. Все грозные бури, обрушившиеся на нас, свидетельствуют о том, что скоро небо прояснится и дала наши пойдут хорошо. Ибо ни горе, ни радость не бывают слишком продолжительны, а из этого следует, что если горе тянулось долго, то, значит, радость уже близка. Поэтому брось печалиться о постигших меня невзгодах. Ведь ты же невредим и вполне благополучен.

— Как так благополучен! — вскричал Санчо. — Разве тот, кого вчера подбрасывали не одеяле, не был сыном моего отца? А сумка, которая пропала вместе со всем моим скарбом, разве она чужая, а не моя?

— У тебя пропала сумка? — спросил Дон Кихот.

— То-то и есть, что пропала, — ответил Санчо.

— Значит, нам не придется сегодня обедать, — сказал Дон Кихот.

— Но ведь на этих лугах, — ответил Санчо, — растут те травы, которые, по словам вашей милости, могут с успехом заменить обыкновенную пищу странствующим рыцарям.

— По правде говоря, — сказал Дон Кихот, — всем травам я предпочел бы добрую краюху хлеба с парой копченых сардинок в придачу. Но что об этом толковать! Садись, добрый Санчо, на своего осла и поезжай за мной. Бог милосерд, он посылает пищу мышам в воздухе, червям в земле и головастикам в воде. Его солнце светит всем — и злым и добрым, а его дождь поливает и праведных и грешников. Он непременно позаботится о нас, своих слугах.

— Вашей милости, — сказал Санчо, — больше бы пристало быть проповедником, чем странствующим рыцарем.

— Странствующие рыцари обязаны все знать и все уметь, — ответил Дон Кихот. — В прежние времена бывали рыцари, которые могли произнести речь или проповедь не хуже любого доктора Парижского университета. Знай, мой друг, что никогда копьё не притупляло пера, как и перо — копьё.

— Хорошо, сеньор мой, пусть будет по-вашему, сказал Санчо. — А теперь давайте-ка двинемся в путь, поищем где-нибудь ночлега. Хоть бы господь помог сыскать местечко, где нет ни волшебных одеял, призраков, ни очарованных мавров. Провались я, мне неохота еще раз с ними встретиться.

— Попроси, сынок, божьей помощи, — сказал Кихот, — и веди меня, куда хочешь, потому что на этот раз я готов предоставить тебе выбор ночлега. А протяни-ка руку и пощупай, сколько у меня нет зубов. Вот здесь, справа, потому что тут у меня всего болит. Санчо засунул ему в рот руку и спросил:

— Сколько зубов у вашей милости было здесь раньше?

— Четыре, — ответил Дон Кихот, — и все, кроме зубов мудрости, целые и здоровые.

— Не ошибается ли ваша милость? — спросил Санчо. — Говорю тебе, что четыре, если не пять, — ответил Дон

Кихот, — потому что за всю мою жизнь мне не рвали зубов, и ни один не сгнил и не выпал от простуды.

— А теперь у вашей милости, — сказал Санчо, — с этой стороны внизу осталось два с половиной, а наверху ровно ничего, ни одной половинки, совсем гладко стало, как ладошка.

— Вот несчастье! — воскликнул Дон Кихот, услышав от оруженосца эту печальную новость. — Лучше бы мне отрубили руку, — только, конечно, не правую, чтоб было чем держать меч. Ибо знай, Санчо, что рот без коренных зубов — тоже, что мельница без жернова; для человека каждый зуб дороже алмаза. Но что поделаешь, еще не такие невзгоды могут постичь нас, принявших на себя суровый обет рыцарства. Садись, мой друг, на осла и трогайся в путь, а я последую за тобой всюду, куда пожелаешь.

Санчо сел на осла и поехал по большой дороге, в ту сторону, где он надеялся найти ночлег. А Дон Кихот плелся за ним на своем Росинанте: ехать быстрее он не мог, так как еле держался в седле от боли в боку и челюсти.

Глядя на грустное лицо Дон Кихота, Санчо придумал ему про-звище: Рыцарь Печального Образа. Как-то ночью Дон Кихот и Санчо слышали громкий стук — когда рассвело, оказалось, что это сук-новальные молоты. Рыцарь был смущен, и его жажда подвигов осталась на сей раз неутоленной. Цирюльника, который в дождь надел на голову медный таз, Дон Кихот принял за рыцаря в шлеме Мамбрины, а поскольку Дон

Кихот дал клятву завладеть этим шлемом, он ото-брал у цирюльника таз и очень возгордился своим подвигом. Затем он освободил каторжников, которых вели на галеры, и потребовал, чтобы они отправились к Дульсине и передали ей привет от ее верного рыцаря, но каторжники не захотели, а когда Дон Кихот стал настаивать, побили его камнями.

В Сьерре Морене один из каторжников - Хинес де Пасамонте - похитил у Санчо осла, и Дон Кихот пообещал отдать Санчо трех из пяти ослов, которые были у него в имении. В горах они нашли чемодан, где оказалось кое-что из белья и кучка золотых монет, и также книжка со стихами. Деньги Дон Кихот отдал Санчо, а книжку взял себе. Хозяином чемодана оказался Карденьо, безумный юноша, который начал рассказывать Дон Кихоту историю своей не-счастной любви, но недорассказал, потому что они поссорились из-за того, что Карденьо мимоходом дурно отозвался о королеве Мадасиме.

Дон Кихот написал любовное письмо Дульсине и записку своей племяннице, где просил ее выдать 'подателю первого ослиного вексе-ля' трех ослят, и, побезумствовав для приличия, то есть сняв штаны и несколько раз перекувырнувшись, послал Санчо отнести письма. Оставшись один, Дон Кихот предался покаянию. Он стал думать, чему лучше подражать: буйному помешательству Роланда или мелан-холическому помешательству Амадиса. Решив, что Амадис ему ближе, он стал сочинять стихи, посвященные прекрасной Дульсине.

Санчо Панса по пути домой встретил священника и цирюльни-ка - своих односельчан, и они попросили его показать им письмо Дон Кихота к Дульсине. Но оказалось, что рыцарь забыл дать ему письма, и Санчо стал цитировать письмо наизусть, перевирая текст так, что вместо 'бесстрастная сеньора' у него получилось 'безотказ-ная сеньора' и т. п. Священник и цирюльник стали думать, как вы-манить Дон Кихота из Бедной Стремнины, где он предавался покаянию, и доставить в родную деревню, чтобы там излечить его от помешательства. Они просили Санчо передать Дон Кихоту, что Дульсинея велела ему немедленно явиться к ней, и уверили Санчо, что вся эта затея поможет Дон Кихоту стать если не императором, то хотя бы королем. И Санчо, в ожидании милостей, охотно согласился им помогать.

Санчо поехал к Дон Кихоту, а священник и цирюльник остались ждать его в лесу, но вдруг услышали стихи - это был Карденьо, ко-торый поведал им свою горестную повесть с начала до конца: веро-ломный друг Фернандо похитил его возлюбленную Лусинду и женился на ней. Когда Карденьо закончил рассказ, послышался груст-ный голос и появилась прекрасная девушка, переодетая в мужское платье. Это оказалась Доротея, соблазненная Фернандо, который обе-щал на ней жениться, но покинул ее ради Лусинды. Доротея расска-зала, что Лусинда после обручения с Фернандо собирается покончить с собой, ибо считает себя женой Карденьо и дала согласие на брак с Фернандо только по настоянию родителей. Доротея же, узнав, что он не женился на Лусинде, возымела надежду вернуть его, но нигде не могла его найти. Карденьо открыл Доротее, что он и есть истинный супруг Лусинды, и они решили вместе добиваться возвращения 'того, что им принадлежит по праву'. Карденьо обещал Доротее, что, если Фернандо не вернется к ней, он вызовет его на поединок.

Санчо передал Дон Кихоту, что Дульсинея призывает его к себе,но тот ответил, что не предстанет перед ней, покуда не совершит подвигов, 'милости ее достойных'. Доротея вызвалась помочь выма-нить Дон Кихота из лесу и, назвавшись принцессой Микомиконской, сказала, что прибыла из далекой страны, до которой дошел слух о славном рыцаре Дон Кихоте, дабы просить его заступничества. Дон Кихот не мог

отказать даме и отправился в Микомикону. Навстречу им попался путник на осле - это был Хинес де Пасамонте, каторж-ник, которого освободил Дон Кихот и который украл у Санчо осла. Санчо забрал себе осла, и все поздравили его с этой удачей. У источника они увидели мальчика - того самого пастушка, за которого не-давно вступился Дон Кихот. Пастушок рассказал, что заступничество идальго вышло ему боком, и проклинал на чем свет стоит всех стран-ствующих рыцарей, чем привел Дон Кихота в ярость.

ГЛАВА XXIV,

в которой рассказывается о том, как Дон Кихот сражался с мехами красного вина.

Подкрепив свои силы, наши путники оседлали мулов и без всяких приключений, заслуживающих внимания, доехали до постоялого двора, воспоминание о котором было так неприятно Санчо Пансе. Однако ему все же пришлось войти туда. Хозяин, хозяйка, дочь и Мариторнес, увидев Дон Кихота и Санчо, кинулись к ним навстречу с радостными возгласами. Наш рыцарь важно и с достоинством поздоровался с ними и попросил приготовить ему постель получше, чем в прошлый раз. Хозяйка ответила, что если он обещает заплатить получше, чем в прошлый раз, он получит княжескую постель. Дон Кихот кивнул головой в знак согласия, и ему приготовили приличную постель в том же чулане, где он уже ночевал однажды. Наш рыцарь был так утомлен и расстроен, что тотчас же улегся и заснул крепким сном.

Священник заказал обед, и хозяин, в надежде на хорошее вознаграждение, подал им все, что было у него лучшего. Все уселись за стол, только Дон Кихот продолжал спать; его решили не будить, так как для бедного рыцаря сон был полезнее еды. Во время обеда, в присутствии хозяина, хозяйки, их дочери, Мариторнес и постояльцев, зашел разговор о необычайном помешательстве Дон Кихота и о том, как его разыскивали. Все рассказывали друг другу о чудачествах и приключениях Дон Кихота. Священник заметил, что всему виной рыцарские романы, от чтения которых у Дон Кихота зашел ум за разум. Хозяин на это возразил:

— Честное слово, не понимаю, как это могло случиться, на мой взгляд, нет в мире лучшего чтения. У меня есть два — три таких романа, и, право, я им обязан: многими радостями. Да и не только я, но и многие другие. Во время жатвы у нас по праздникам собираются жнецы; среди них всегда найдется грамотей; он берется за книгу, а мы, человек тридцать, садимся вокруг слушаем, развесив уши. О самом себе скажу только когда в книге речь дойдет до яростных ударов, какие раздают направо и налево рыцари, мне до страха хочется вмешаться в эту схватку, и я готов слушать день и ночь.

— Да и я тоже бываю очень довольна, — прибавила хозяйка. — Во время этих чтений во всем доме наступает покой и тишина. Вы так увлекаетесь этими романами, что даже забываете со мной ругаться.

— Истинная правда, — сказала Мериторнес. — Я тоже люблю послушать эти истории, особенно про прекрасных сеньорит, — как они нежничают под каким-нибудь апельсинным деревом со своими верными рыцарями.

— Ну, а вы, сеньорита, что скажете? — спросил священник, обращаясь к хозяйской дочке.

— По правде сказать, сеньор, сама не знаю, — ответила она. — Я тоже охотно слушаю чтение романов, хотя мало что понимаю в них. Только мне больше всего нравятся не битвы, которыми восхищается отец, а печальные речи рыцарей, тоскующих по своим дамам. Право, я иногда даже плачу от жалости.

— Если бы эти рыцари плакали из-за вас, — сказала Доротея, — вы бы их сейчас же утешили, не правда ли, сеньорита?

— Уж не знаю, что бы я сделала, — отвечала девушка. — Знаю только одно, что некоторые из этих дам так жестоки, что рыцари называют их львицами, тигрицами и другими отвратительными именами. Господи Иисусе! Что же это за бессердечные, бессовестные женщины, если им трудно посмотреть на честного человека, а он из-за этого умирает или делается сумасшедшим! Не понимаю, к чему все это жеманство.

— Молчи, девочка, — прервала ее хозяйка. — Девице не годится ни знать, ни рассуждать о таких делах.

— Сеньор меня спросил, — ответила она, — не могла же я не ответить.

— Ну, довольно, — сказал священник, — лучше принесите мне, сеньор хозяин, все ваши книжки.

Мне хочется на них взглянуть.

— С удовольствием, — отвечал хозяин. Он тотчас встал, пошел в свою комнату, принес старый сундучок, запертый на ключ, открыл его и вынул три огромные книги и несколько рукописей, очень четко написанных. Первая* книга была «Дон Сиронхилио Фракийский», вторая — «Фелисмартэ Гирканский», а третья — «История Великого го капитана Гонсало Эрнандеса Кордовского» вместе» жизнеописанием Диэго Гарсия де Паредес. Прочитав два первых заглавия, священник повернулся к цирюльнику и сказал:

— Нам недостает только экономки нашего друга и его племянницы.

— Обойдемся и без них, — отвечал цирюльник, — я тоже сумею снести их на скотный двор или бросить в печь, которая, кстати, горит отлично.

— Что? — сказал хозяин. — Ваша милость собирается сжечь мои книги?

— Только эти две: дон Сиронхилио и Фелисмартэ. — Что же, неужто они еретические или флегматические? — спросил хозяин.

— Вы хотели сказать, дружок, схизматические, а нефлегматические? — поправил его цирюльник.

— Ну, да, — сказал хозяин, — только если вы непременно хотите что-нибудь сжечь, то возьмите лучше «Историю Великого капитана Диэго Гарсии»; что касается остальных, то я скорей позволю сжечь себя, чем одну из них.

— Брат мой, — возразил священник, — обе эти книги; лживы, полны нелепостей и бредней, а «История Великого капитана» — чистая правда; в ней рассказывается деяниях Гонсало Эрнандеса Кордовского, который свои великие и многочисленные подвиги заслужил всем мире прозвание Великого капитана. А Диэго Гарсия де Паредес, родом из города Трухильо, был замечательным воином. Он обладал такой силой, что одним пальцем останавливал мельничное колесо; однажды он один отстоял мост от целой армии. Он совершил так много подвигов, что, опиши его жизнь какой-нибудь искусный историк, слава его затмила бы славу Гектора, Ахилла и Роланда. Но, к сожалению, он сам описал свою жизнь и был слишком скромнен в изложении своих деяний.

— Рассказывайте моей бабушке! — сказал хозяин, — Подумайте, что его удивляет: остановил мельничное колесо! Ей-богу, ваша милость, вам бы не худо было почитать Фелисмартэ Гирканского. Этот одним взмахом меча рассек пополам пять великанов, словно они были сделаны из бобов, вроде тех монашков, которых делают наши ребятишки. А в другой раз он столкнулся с громаднейшим войском, в котором было свыше миллиона шестисот тысяч солдат, вооруженных с головы до ног, и обратил его в бегство, как стадо овец. А что вы скажете о славном доне Сиронхилио Фракийском? Однажды плыл он по реке, и вдруг из воды вынырнул огромный огненный змей; увидев чудовище, дон Сиронхилио бросился на него, вскочил на его чешуйчатую спину и стиснул руками его горло с такой силой, что задыхающийся змей тотчас же снова опустился на дно реки, увлекая за собой рыцаря, который крепко держал его. Там рыцарь очутился в великолепном дворце, а змей превратился в древнего старца и рассказал ему о таких вещах, что, право, стоило послушать. Нет, не говорите, сеньор! Прочтите-ка эти истории, и вы с ума сойдете от восторга. А за вашего Великого капитана и Диэго Гарсия я не дам и двух фиг. Услышав это, Доротея тихо сказала мастеру Николасу:

— Нашему хозяину немного недостает, чтобы стать вторым Дон Кихотом.

— Мне тоже так думается, — ответил цирюльник. — По-видимому, он твердо верит, что все описанное в этих книгах чистая правда, и разубедить его в этом не могли бы даже босые кармелиты. — Но послушайте, братец мой, — продолжал священник, обращаясь к хозяину, — ведь ни Фелисмартэ Гирканского, ни дон Сиронхилио Фракийского, ни других рыцарей, о которых рассказывается в романах, никогда не было на свете; все это чистейший вымысел праздных писак, сочинивших свои книги ради пустого развлечения.

— Полно вам, ваша милость, мне зубы заговаривать! Я и сам до пяти считать умаю и знаю, где мне сапог жмет. Неужто вы хотите убедить меня, что все в этих прекрасных книжках — ложь и вздор! Да ведь напечатаны-то они с разрешения членов Королевского Совета, а это не такие господа, чтобы позволить печатать лживые сказки о волшебствах и сражениях. Ведь это значит попусту сбивать с толку верных подданных короля!

— Я уже вам сказал, друг мой, — возразил священник; — что все эти романы пишутся для развлечения праздной публики. Ведь разрешает же правительство игру в шахматы или в мяч. Почему же ему не разрешить и печатание рыцарских романов? Кому же придет в голову, что есть такие невежды, которые могут принять сказочные истории за правду? Итак, сеньор, вот ваши книги, решайте

сами, что в них правда и что ложь и да пойдут они вам на пользу. Дай только бог, чтобы не захромали на ту же ногу, что и ваш постоялец Кихот.

— Ну, нет, — ответил хозяин, — я еще с ума не сошел, чтобы сделаться странствующим рыцарем. Я прекрасно понимаю, что теперь порядки уже совсем не те, как времена странствования этих славных рыцарей.

Санчо, хранивший против своего обыкновения глубокое кое молчание, внимательно прислушивался к между хозяином и священником. Услышав, что рыцарские романы — чистейший вздор и что никаких рыцарей больше нет, Санчо Панса сильно призадумался о том, чем может окончиться путешествие его господина в страну Микомикон. Растерянный и смущенный, направился он в чуланчик, где спал наш идадьго, но через несколько минут выбежал оттуда в сильнейшем смятении.

— Сюда, сеньоры, скорей на помощь! — вопил он. — Мой господин вступил в жесточайший бой, страшнее которого мои глаза еще не видывали. Клянусь богом, он нанес такой удар великану, врагу сеньоры принцессы Микомикон, что отсек ему голову начисто, словно репку!

— Что вы такое говорите, братец? — воскликнул священник. — В своем ли вы уме, Санчо? Как это могло случиться, черт возьми, когда великан находится за две тысячи миль отсюда?

В эту минуту из каморки до них донеслись отчаянные возгласы Дон Кихота:

— Берегись, вор, разбойник, трус, ты в моих руках, теперь уж ничто не спасет тебя!

Возгласы эти заглушались страшным шумом, словно кто-то наносил яростные удары в стены. Все прислушались, стараясь понять, что происходило в чуланчике.

Тут Санчо снова закричал:

— Что же вы стоите? Бегите на помощь моему господину. Впрочем, он и один справится с врагом. Великан уже убит и дает теперь отчет богу в своей нечестивой жизни. Я видел, как лилась кровь и как слетела с его плеч голова, величиной с добрый мех с вином.

— Убейте меня, — вскричал тут хозяин гостиницы, — если этот Дон Кихот или дон Дьявол не вспорол один из мехов с красным вином, висевших у его изголовья! Вино вытекло, а дурень вообразил, будто это кровь.

С этими словами он кинулся на место битвы; все бывшие в комнате последовали за ним в чулан, и тут их глазам представилось удивительное зрелище. Наш идадьго в короткой рубашке стоял посреди чулана; длинные и тощие ноги, покрытые волосами, были рядом грязны; его голову украшал красный засаленный ночной колпак, принадлежавший хозяину; на левой руке было намотано одеяло, ненавистное Санчо (по хорошо известной ему причине), а в правой он держал обнаженный меч, которым наносил удары во все стороны. При этом он так кричал, словно и вправду сражался с великаном. Но всего удивительнее было то, что он проделывал все это с закрытыми глазами. Воображение его была занято мыслями о предстоявшем бое, и ему приснилось; будто он уже добрался до королевства Микомикон и сражается со своим врагом. В полусне он принял мехи* за великана и так изрубил их, что вся комната была залита вином. Увидев, что погибло его добро, хозяин пришел в ярость; стиснув кулаки, набросился он на Дон Кихота и, наверное, избил бы его до полусмерти, если бы священник и цирюльник не вступились за бедного рыцаря. Но и побои не разбудили нашего идадьго. Цирюльнику пришлось принести из колодца большой котел холодной воды и окатить его с головы до ног*. Только тогда он наконец проснулся. Тем временем Санчо тщетно шарил во всех углах, стараясь найти голову, великана. Убедившись, что поиски его напрасны, он сказал:

— Я наперед знал, что в этом доме непременно наткнешься на какое-нибудь колдовство. В прошлый раз вот на этом месте я получил столько пинков и тумак что даже вспомнить страшно. А кто мне их надавал один черт знает. Теперь вот пропала эта голова, а мез тем я собственными глазами видел, как мой господин отрубил ее и как кровь хлынула фонтаном.

— Какая там кровь, какой фонтан? Накажи тебя бог все его святыне, — закричал хозяин, — разве ты ж видишь, мошенник, что все эти фонтаны крови хлещут бьют из проткнутых мехов! Берегись, дурак, как бы тебе не захлебнуться в красном вине. Чтоб твоего господина на том свете черти так истыкали, как он истыкал мои мехи!

— Ничего не понимаю, — отвечал Санчо, — знаю только, что, если я не отыщу этой головы, мое злополучное графство растает, как соль в вода.

Упорство, с каким Санчо повторял весь этот вздор, окончательно вывело из себя хозяина, и без того взбешенного убытками, которые наделал ему Дон Кихот. Он клялся и божился, что на этот раз им не удастся, как раньше, уехать не заплатив. Теперь им не помогут никакие привилегии рыцарства: он заставит их рассчитаться даже за починку продырявленных мехов. Между тем священник, желая

успокоить Дон Кихота, взял его за руку, этот, думая, что это принцесса Микомикон, опустился перед священником на колени и сказал:

— Отныне, ваше величество высокородная и знатная сеньора, вы можете жить спокойно, не боясь козней этого подлого существа. А я отныне могу считать себя свободным от взятого на себя обязательства, ибо с помощью великого бога и милости той, ради которой я живу и дышу, исполнил я свое обещание.

— Ну, разве я вам не говорил? — вскричал при этом Санчо. — Не пьян же я был, в самом деле. Полюбуйтесь, как мой господин расправился с великаном. Ну, теперь все в порядке, и графство у меня в кармане.

Как было не засмеяться, слушая бредни обоих чудаков, господина и слуги? Все расхохотались. Одному хозяину было не до смеху; он то и дело на все лады поминал сатану. Наконец священнику с цирюльником удалось уложить Дон Кихота в постель. Видно было, что рыцарь изнурен до крайности, ибо он сейчас же погрузился в сон. Тогда наши друзья принялись утешать Санчо Пансу, который все еще не мог найти голову великана. Нотруднее всего было успокоить хозяина, оплакивавшего гибель своего вина. Хозяйка между тем непрестанно причитала:

— В недобрый час, в проклятую минуту вошел к нам а дом этот странствующий рыцарь, чтоб мои глаза его не видели. Дорого же он нам обошелся! Прошлый раз он уехал, не заплатив ни за ужин, ни за постель, ни за солому, ни за овес для себя, своего оруженосца, лошади и осла. Он заявил тогда, что рыцари, ищущие приключений, — пошли боже всем этим рыцарям такое приключение, чтобы они навек уgomонились, — не обязаны платить, будто, мол, в правилах бродячего рыцарства так и сказано. А потом другой сеньор, его приятель, выпросил у меня лучшее мое платье, да так истрепал его в своих проклятых похождениях, что просто сердце кровью обливается. И вот теперь—вдобавок ко всему—этот дурацкий рыцарь изрешетил мехи и выпустил вино, —чтобы ему так кровь из жил выпустили. Но пусть он не воображает, что и на этот раз ему все сойдет с рук. Клянусь костями моего отца и жизнью моей матери, не я буду, если он не заплатит за все до последнего мараводиса.

И много других слов наговорила разгневанная хозяйка: ей вторила ее добрая служанка Мариторнес. Дочка же молчала и только от времени до времени усмехалась. Наконец священник успокоил их, пообещав хорошо заплатить и за мехи, и за вино, и за все прочее.

Между тем Санчо, отчаявшись найти голову великана, стал внимательнее прислушиваться к причитаниям хозяйки и речам священника. Тут, наконец, он убедился, что никакого свирепоглазого великана вовсе не было, а господин его сражался с хозяйскими мехами. Это его очень огорчило. Но хуже всего было то, что никто из присутствующих— ни хозяин с хозяйкой, ни священник — не обращались с Доротеей, как с принцессой. Все обходились с ней запросто, называли ее Доротеей и сеньоритой, шутили, смеялись. Да и сама она держалась очень просто: шепталась и пересмеивалась с хозяйской дочерью, заговаривала с гостями, болтала и любезничала, — словом, совсем не походила на знатную принцессу, наследницу огромного королевства. Санчо был совсем обит с толку. Страшное падшим уже зародилось в его уме. «А что, как все это — обман? — думал он. — не морочат ли нам с господином головы, чтобы позабавиться на каш счет? Удивительно только, что такой степенный человек, как священник, замешан в этой шутке».

К постоялому двору, подъехали мужчина и женщина-мавританка. Мужчина оказался капитаном от инфантерии, попавшим в плен во время битвы при Лепанто. Прекрасная мавританка помогла ему бе-жать и хотела креститься и стать его женой. Вслед за ними появился судья с дочерью, оказавшийся родным братом капитана и несказанно обрадовавшийся, что капитан, от которого долго не было вестей, жив. Капитан был ограблен в пути французами, но судья несколько не был смущен его плачевным видом. Ночью Доротея услышала песню по-гонщика мулов и разбудила дочь судьи Клару, чтобы девушка тоже послушала ее, но оказалось, что певец вовсе не погонщик мулов, а переодетый сын знатных и богатых родителей по имени Луис, влюбленный в Клару. Она не очень знатного происхождения, поэтому влюбленные боялись, что его отец не даст согласия на их брак.

Но тут у постоялого двора показалась новая группа всадников: это отец Луиса снарядил за сыном погоню. Луис, которого слуги отца хо-тели препроводить домой, отказался ехать с ними и попросил руки Клары.

На постоялый двор прибыл другой цирюльник, тот самый, у кото-рого Дон Кихот отнял 'шлем Мамбрина', и стал требовать возвраще-ния своего таза. Началась перепалка, и священник потихоньку отдал ему за таз восемь реалов, чтобы ее прекратить. Меж тем один из слу-чившихся на постоялом дворе стражников узнал Дон Кихота по при-метам, ибо его разыскивали как преступника за то, что он освободил каторжников, и священнику стоило большого труда убедить стражни-ков не арестовывать Дон Кихота, поскольку он поврежден в уме. Священник и цирюльник смастерили из палок нечто вроде удобной клетки и сговорились с одним человеком, который ехал мимо на волах, что он отвезет Дон Кихота в родную деревню. Но потом они выпустили Дон Кихота из клетки под честное слово, и он пытался отобрать у молящихся статую непорочной девы, считая ее знатной сеньорой, нуждающейся в защите.

Наконец Дон Кихот прибыл домой, где ключница и племянница уложили его в постель и стали за ним ухаживать, а Санчо пошел к жене, которой пообещал, что в следующий раз он уж непременно вернется графом или губернатором острова, причем не какого-нибудь захудалого, а самого лучшего.

После того как ключница и племянница целый месяц выхаживали Дон Кихота, священник и цирюльник решили его навестить. Речи его были разумными, и они подумали, что помешательство его прошло, но как только разговор отдаленно коснулся рыцарства, стало ясно, что Дон Кихот неизлечимо болен. Санчо также навестил Дон Кихота и рассказал ему, что из Саламанки вернулся сын их соседа бакалавр Самсон Карраско, который сказал, что вышла в свет история Дон Кихота, написанная Сидом Ахметом Бен-инхали, где описаны все приключения его и Санчо Пансы. Дон Кихот пригласил к себе Сам-сона Карраско и расспросил его о книге. Бакалавр перечислил все ее достоинства и недостатки и рассказал, что ею зачитываются все от мала до велика, особенно же ее любят слуги.

Дон Кихот и Санчо Панса решили отправиться в новое путешест-вие, и через несколько дней тайком выехали из деревни. Самсон про-водил их и просил Дон Кихота сообщать обо всех своих удачах и неудачах. Дон Кихот по совету Самсона направился в Сарагосу, где должен был состояться рыцарский турнир, но прежде решил заехать в Тобосо, чтобы получить благословение Дульсинеи. Прибыв с Тобосо, Дон Кихот стал спрашивать у Санчо, где дворец Дульсинеи, но Санчо не мог отыскать его в темноте. Он думал, что Дон Кихот знает это сам, но Дон Кихот объяснил ему, что никогда не видел не только дворца Дульсинеи, но и ее самое, ибо влюбился в нее по слухам. Санчо ответил, что видел ее и привез ответ на письмо Дон Кихота. Чтобы обман не открылся, Санчо постарался как можно скорее увез-ти своего господина из Тобосо и уговорил его подождать в лесу, пока он, Санчо, съездит в город поговорить с Дульсинеей. Он сообразил, что раз Дон Кихот никогда не видел Дульсинею, то можно выдать за нее любую женщину и, увидев трех крестьянок на ослицах, сказал Дон Кихоту, что к нему едет Дульсинея с придворными дамами. Дон Кихот и Санчо пали перед одной из крестьянок на колени, крестьян-ка же грубо на них прикрикнула. Дон Кихот усмотрел во всей этой истории колдовство злого волшебника и был весьма опечален, что вместо красавицы сеньоры увидел крестьянку-дурнушку.

В лесу Дон Кихот и Санчо встретили влюбленного в Касильдею Вандальскую Рыцаря Зеркал, который хвастался, что победил самого Дон Кихота. Дон Кихот

возмутился и вызвал Рыцаря Зеркал на по-единок, по условиям которого побежденный должен был сдаться на милость победителя. Не успел Рыцарь Зеркал приготовиться к бою, как Дон Кихот уже напал на него и чуть не прикончил, но оружено-сец Рыцаря Зеркал завопил, что его господин - не кто иной, как Самсон Карраско, который надеялся таким хитроумным способом вернуть Дон Кихота домой. Но, увы, Самсон был побежден, и Дон Кихот, уверенный, что злые волшебники заменили облик Рыцаря Зеркал обликом Самсона Карраско, снова двинулся по дороге в Сарагосу.

ГЛАВА XL,

в которой описывается неслыханное мужество Дои Кихота в приключении со львами

Как мы уже сказали, Дон Кихот продолжал свой путь, довольный и гордый, ибо он был убежден, что одержанная им победа доставила ему славу самого доблестного из всех странствующих рыцарей. Его не пугали больше козни недругов-волшебников: он забыл о бесчисленных палочных ударах, сыпавшихся на него в прошлые походы, о камне, выбившем ему половину зубов, о неблагодарности каторжников, о наглости янгузских погонщиков мулов, исколотивших его дубинками. Он говорил себе, что теперь ему остается одно: во что бы ни стало освободить от волшебных чар сеньору Дульсинею, и тогда он ни в чем не будет уступать знаменитейшим рыцарям минувших веков. Он ехал, глубоко погруженный в эти мысли, как вдруг Санчо сказал:

— Разве не забавно, сеньор, что мне все время мерещится огромный чудовищный нос моего кума Томе Сесьяля?

— Неужели ты в самом деле думаешь, Санчо, что рыцарь Леса — бакалавр Карраско, а его оруженосец — твой кум Томе Сесьяль?

* не знаю, что и сказать, — ответил Санчо, — знаю только, что никто, кроме него, не мог бы так точно описать мой дом, жену и детей. А когда он снял нос, то стал как две капли воды похож на Томе Сесьяля, Я ведь постоянно встречаюсь с ним у нас в деревне, так как живем мы с ним совсем рядом.

— Давай рассуждать здраво, Санчо, — сказал Дон Кихот. — Поди-ка сюда поближе. Ну скажи мне, чего ради бакалавр Самсон Карраско стал бы наряжаться странствующим рыцарем, добывать себе оружие и вызывать меня на бой? Разве я когда-нибудь был его врагом? Разве я его соперник? И разве он был когда-нибудь воином, чтобы завидовать моей славе?

— Все это так, ваша милость, но как же вы себе объясните, что этот рыцарь Леса — выпитый бакалавр Карраско, а его оруженосец точь-в-точь мой кум Томе Сесьяль? И если, как ваша милость полагает, все это — волшебство, так почему они оказались похожи именно на этих двух молодцов?

— Поверь, братец, все это наваждение и козни злых волшебников, — ответил Дон Кихот, — они предвидели, что из этого боя я выйду победителем, поэтому они решили придать побежденному мною рыцарю полное сходство с другом моим, бакалавром, дабы связывающая нас дружба смягчила мое сердце и встала между лезвием моего меча и суровостью моей руки. Таким путем им удалось сохранить жизнь коварному недругу, который обманом и уловками пытался лишить меня свободы. Ты ведь можешь подтвердить, Санчо, что волшебникам ничего не стоит превратить одно лицо из прекрасного в безобразное, а другое из безобразного в прекрасное. Ведь не прошло и двух дней, как ты своими собственными глазами созерцал красоту и прелесть несравненной Дульсины, а мне она показалась уродливой и грубой крестьянкой с мутными глазами и запахом чеснока. И если преступный волшебник осмелился проделать такое гнусное превращение над Дульсиной, то ему ничего не стоило превратить рыцаря Леса и его оруженосца в Самсона Карраско и твоего кума, чтобы вырвать у меня из рук славу победы,

— Один бог знает всю правду, — ответил уклончиво Санчо.

Он отлично знал, что превращение Дульсины было плодом его собственных хитростей и проделок; поэтому сумасбродные доводы Дон Кихота его не убеждали. Однако Санчо, опасаясь проговориться и обнаружить свой обман, предпочел смолчать. Заметив вблизи пастухов, он свернул с дороги и направился к ним, чтобы купить творогу и сыру. Между тем Дон Кихот продолжал ехать по дороге, погруженный в глубокую задумчивость, как вдруг, случайно подняв голову, он увидел, что навстречу ему едет повозка, разукрашенная королевскими флагами. Решив, что судьба посылает ему новое приключение, он громко позвал своего оруженосца. Санчо, услышав нетерпеливый возглас своего господина, растерялся. Впопыхах он сунул только

что купленный творог в шлем, который Дон Кихот незадолго до этого снял и передал ему, и поспешил на зов своего господина.

— Скорей, друг мой, — сказал Дон Кихот, — дай мне шлем. Я должен приготовиться к бою, ибо колесница, которая виднеется вдаль, несомненно, сулит мне новое приключение.

Заторопившись, Санчо подал шлем, не успев выбросить из него творог. Дон Кихот, не глядя, насадил шлем себе на голову. Творог сплюснулся, и сыворотка потекла по его лицу. Рыцарь в страшном испуге воскликнул:

— Что это, Санчо? У меня, кажется, размягчился череп и растаял мозг? А, впрочем, быть может, это пот. Но если я вспотел, то уж, конечно, не от страха, хотя и несомневаюсь, что мне предстоит какое-то ужасное приключение. Дай-ка мне чем-нибудь обтереть лицо, ибо этот пот слепит мне глаза.

Санчо молча подал ему платок и возблагодарил бога за то, что господин его не догадался, в чем было дело. Дон Кихот вытер лицо и снял шлем, чтобы посмотреть, что там такое.

Увидев внутри шлема белую кашицу, он поднес ее к носу, понюхал и сказал:

— Клянусь жизнью моей сеньоры Дульсиныи Тобосской, ты, предатель, бродяга, наглый руженосец, положил в шлем творог.

Санчо ответил ему, сохраняя полную невозмутимость:

— Если это творог, дайте его мне, ваша милость, я его съем. Впрочем, пускай лучше ест его дьявол, — ведь это он его, должно быть, и подсунул. Чтобы я осмелился замарать шлем вашей милости! Знаете ли, сеньор, я думаю, меня тоже преследуют какие-нибудь волшебники за то, что я служу вашей милости. Без сомнения, они подбросили эту дрянь в шлем, чтобы вывести вас из терпения и заставить отколотить меня. Но я уверен, что на этот раз они останутся с носом, ибо полагаюсь на здравый смысл моего господина. Ведь если бы у меня был творог или молоко, то я скорее отправил бы ихвзой желудок, чем в ваш шлем.

— Возможно, что ты и прав, — согласился Дон Кихот. Затем он еще раз вытер голову, лицо и бороду, вытряхнул творог, снова надел шлем на голову, укрепился на стремянах и воскликнул:

— Ну, теперь я готов сразиться хоть с самим сатаною! С этими словами он двинулся навстречу повозке. На передке этой повозки сидел какой-то безоружный человек. Кроме него и погонщика мулов, никого не было. Дон Кихот выехал вперед и спросил:

— Куда вы едете, братцы? Что это за повозка, что вы в ней везете и что это за флаги?

. На это погонщик ответил:

— Повозка — моя собственная, а везем мы клетку со свирепыми львами, которых оранский губернатор посылает в столицу в подарок его величеству; флаги эти — господина нашего короля, и означают они, что везем мы королевское имущество.

— А большие эти львы? — спросил Дон Кихот. — Огромные, — ответил человек, сидевший на передке повозки. — Я служу сторожем в зверинце и приставлен ухаживать за львами, но таких еще ни разу не видывал. Туту нас лев и львица; сейчас они оба очень голодны, так как сегодня мы их еще не кормили. Поэтому пропустите нас, ваша милость, мы торопимся доехать до какого-нибудь места, где можно будет их покормить.

Услышав это, Дон Кихот слегка улыбнулся и сказал:

— Итак, значит, волшебники посылают уже на меня львов! Клянусь богом, они сейчас увидят, что меня и львами не испугаешь! Ну-ка, добрый человек, слезайте-ка с повозки! Откройте клетки, выпустите зверей на волю, и я покажу им, кто такой Дон Кихот Ламанчский. Пускай себе злятся волшебники, решившие натравить на меня этих львов.

Перепуганный Санчо подбежал к Дон Кихоту и стал умолять его не связываться со львами.

— Ради самого бога, сеньор, оставьте в покое этих королевских львов, ведь они всех нас растерзают в клочки.

Но Дон Кихот не обратил никакого внимания на слова Санчо и закричал надсмотрщику:

— Черт побери, дон бездельник, если вы немедленно не отворите клеток, то я вот этим копьём припилю вас к повозке.

Возница испугался этого грозного окрика и сказал:

— Мой сеньор, я исполню волю вашей милости, но помилосердствуйте и позвольте мне сперва распрячь мулов и укрыться вместе с ними в безопасное место. Если эти звери, очутившись на свободе, растерзают моих животных, я останусь нищим; ведь эта повозка и мулы — все мое достояние.

— О маловерный! — воскликнул Дон Кихот. — Так поскорее слезай на землю, распрягай своих мулов и поступай, как знаешь. Но ты скоро увидишь, что трудился понапрасну и вполне мог бы обойтись без этих предосторожностей.

Возница спешил и быстро распряг мулов, а надсмотрщик закричал громким голосом:

— Призываю в свидетели всех здесь присутствующих, что я отворяю клетки и выпускаю львов против воли и по принуждению. Кроме того, громогласно заявляю этому сеньору, что все убытки, которые причинят эти звери, включая сюда и мое жалованье, он оплатит из своего кармана. Но, прежде чем я отопру дверцы, пусть все получше спрячутся. Сам-то я не боюсь зверей, я уверен, что они не сделают мне никакого зла, но остальных они могут разорвать в клочья.

Услышав эти слова, Санчо со слезами на глазах стал просить своего господина отказаться от этой безумной затеи, по сравнению с которой и приключение с ветряными мельницами, и страшное приключение на сукновальне, и вообще все деяния, совершенные им в течение всей его жизни, не больше как детские забавы.

— Заметьте себе, сеньор, — говорил Санчо, — что тут нет никакого волшебства. Это самые настоящие, живые львы; я сквозь решетку клетки успел увидеть лапы одного льва и думаю, что лев с такими когтями должен быть вышиной с гору.

— От страха, — ответил Дон Кихот, — он тебе мог показаться величиной с полмира. Удались, Санчо, не мешай мне. Если я погибну, то не забудь о нашем старинном уговоре: извести об этом Дульсинею.

Тут наш рыцарь снова принялся торопить надсмотрщика и повторять свои угрозы. Санчо погнал своего сарого, возница — своих мулов как можно дальше от повозки, в которой находились львы. Бедный оруженосец был уверен, что его господину на этот раз не уцелеть, и заранее оплакивал его гибель. Однако слезы и причитания не мешали ему изо всех сил понукать серого.

Когда надсмотрщик убедился, что беглецы отъехали на значительное расстояние, он снова принялся умолять Дон Кихота отказаться от своего намерения сразиться со львами. Но рыцарь резко ответил, что мольбы и заклинания ни к чему не приведут, и повторил свое приказание отпереть клетки. Пока надсмотрщик возился, отпирая первую клетку, Дон Кихот обдумывал, как ему лучше сражаться — пешком или на коне. Наконец он решил, что будет сражаться пешком, так как вид львов может испугать Росинанта. Поэтому, соскочив с лошади, он отбросил копье, схватил щит, обнажил меч и медленным шагом, с изумительной отвагой и твердостью, направился прямо к повозке, поручив себя сначала богу, а затем сеньору Дульсине. Когда надсмотрщик увидел, что Дон Кихот уже приготовился к бою и что так или иначе ему придется выпустить на волю львов, он распахнул настежь дверцы первой клетки. Сидевший там лев был необычайно велик и страшен. Но, вместо того чтобы выскочить из клетки и броситься на Дон Кихота, зверь повернулся, раскинул лапы и потянулся всем телом. Затем он открыл пасть, медленно зевнул, высунул язык и облизал себе глаза и морду. Умывшись, лев высунул из клетки голову и повел глазами, сверкавшими как угли. Его горделивая осанка и свирепый взгляд могли привести в ужас само бесстрашие, тем не менее Дон Кихот с невозмутимым спокойствием глядел на него в упор и желал только одного: чтобы лев поскорее выпрыгнул из повозки и вступил с ним в рукопашный бой, ибо рыцарь наш был уверен, что изрубит его в мелкие куски.

Однако благородный лев не был дерзок. Он не обратил внимания на ребяческий задор Дон Кихота, поглядел кругом, повернулся, показал нашему рыцарю свой зад, а затем спокойно и невозмутимо лег, Дон Кихот, увидев это, приказал надсмотрщику ударить льва палкой, чтобы разозлить и выгнать из клетки.

— Нет, этого я ни за что не сделаю, — ответил надсмотрщик. — Ведь если я его разозлю, так он прежде всего растерзает меня самого. Довольно с вашей милости, сеньор рыцарь, и того, что было. Вы доказали вашу храбрость. Не следует искушать судьбу. Смелый воин обязан вызвать врага на бой и ожидать его на поле битвы. По-моему, это все, что от него можно требовать. А если враг не явился, — значит, он трусил и побежден. Тот же, кто его ждал, заслуживает венца.

— Пожалуй, вы правы, мой друг, — ответил Дон Кихот. — В таком случае закройте дверцы и выдайте мне свидетельство: опишите подробно, как вы отперли дверцы, как я спокойно стоял перед клеткой, а лев не вышел, как я долго ждал его, но он повернулся ко мне задом и разлегся в клетке. Я исполнил свой долг; прочь всякие волшебства, и да поможет господь разуму, правде и истинному рыцарству! Итак, повторяю, закройте клетку, а я тем временем подам знак нашим беглецам, чтобы они вернулись. Пусть они из ваших уст услышат о моем подвиге.

Надсмотрщик запер клетку, а Дон Кихот нацепил на острие копья платок, которым он вытирал себе лицо после творожного дождя, и стал им размахивать, чтоб призвать обратно беглецов. Санчо, заметив, что Дон Кихот делает знаки, воскликнул:

— Убей меня, если мой господин не победил этих свирепых зверей. Ведь это он нас зовет.

Погонщик оглянулся и увидел, что Дон Кихот действительно призывает их обратно. Облегченно вздохнув, они повернули назад. Когда они подъехали к повозке, Дон Кихот сказал вознице:

— Братец, вы можете снова запрячь ваших мулов и продолжать путь, а ты, Санчо, выдай ему и надсмотрщику по золотому эскудо в вознаграждение за потерянное время.

— Очень охотно, — ответил Санчо, — но что же случилось со львами? Ранены они или убиты?

Тогда надсмотрщик подробно и неторопливо рассказал об исходе сражения, расписывая самыми яркими красками мужество и доблесть Дон Кихота. Едва взглянув на него, лев струсил и не захотел выйти наружу, хотя клетка была открыта. Рыцарь велел его раздражить, но надсмотрщик заявил, что нельзя испытывать бога, дразня льва и заставляя его насильно выйти из клетки. Тогда рыцарь неохотно и против своей воли позволил запереть дверцы клетки.

— Ну, что ты скажешь, Санчо? — спросил Дон Кихот. — Какое колдовство может устоять против истинной доблести? Волшебники могут лишить меня удачи, но отнять у меня мужество и отвагу им не под силу.

Санчо дал два эскудо, возница впряг мулов, надсмотрщик поцеловал руку Дон Кихота, благодаря за щедрую подачку и обещая рассказать об этом подвиге самому королю, как только прибудет в столицу.

— А если его величество пожелает узнать, кто совершил этот подвиг, — заявил тут Дон Кихот, — то скажите ему: рыцарь Львов, ибо отныне я желаю именоваться рыцарем Львов, а не рыцарем Печального Образа.

Погостив у дона Дьего, Дон Кихот продолжил путь и прибыл в село, где праздновали свадьбу Китерии Прекрасной и Камачо Богатого.

Перед венчаньем к Китерии подошел Басильо Бедный, сосед Китерии, с детства влюбленный в нее, и у всех на глазах пронзил себе грудь мечом. Он соглашался исповедаться перед смертью, только если священник обвенчает его с Китерией и он умрет ее супругом. Все уговаривали Китерию сжалиться над страдальцем - ведь он вот-вот испустит дух, и Китерия, овдовев, сможет выйти замуж за Камачо. Китерия дала Басильо руку, но, как только их обвенчали, Басильо вскочил на ноги живой и здоровый - он все это подстроил, чтобы жениться на любимой, и она, похоже, была с ним в сговоре. Камачо же по здравом размышлении почел за лучшее не обижаться: зачем ему жена, которая любит другого? Три дня пробыв у новобрачных, Дон Кихот и Санчо двинулись дальше.

Дон Кихот решил спуститься в пещеру Монтесиноса. Санчо и студент-проводник обвязали его веревкой, и он начал спускаться. Когда все сто брасов веревки были размотаны, они подождали с полчаса и начали тянуть веревку, что оказалось так легко, словно на ней не было груза, и лишь последние двадцать брасов тянуть было тяжело. Когда они извлекли Дон Кихота, глаза его были закрыты, и им с трудом удалось растолкать его. Дон Кихот рассказал, что видел в пещере много чудес, видел героев старинных романсов Монтесиноса и Дурандарта, а также заколдованную Дульсинею, которая даже попросила у него в долг шесть реалов. На сей раз его рассказ показался неправдоподобным даже Санчо, который хорошо знал, что за волшебник заколдовал Дульсинею, но Дон Кихот твердо стоял на своем.

Когда они добрались до постоянного двора, который Дон Кихот, против обыкновения, не считал замком, туда явился маэстро Педро с обезьяной-прорицательницей и райком. Обезьяна узнала Дон Кихота и Санчо Пансу и все о них рассказала, а когда началось представление, Дон Кихот, пожалев благородных героев, бросился с мечом на их преследователей и перебил всех кукол. Правда, потом он щедро заплатил Педро за разрушенный раек, так что тот был не в обиде. На самом деле это был Хинес де Пасамонте, скрывавшийся от властей и занявшийся ремеслом раешника - поэтому он все знал о Дон Кихоте и Санчо; обычно же, прежде чем войти в село, он расспрашивал в окрестностях про его жителей и за небольшую мзду 'угадывал' прошлое.

Как-то раз, выехав на закате на зеленый луг, Дон Кихот увидел скопление народа - то была соколиная охота герцога и герцогини. Герцогиня читала книгу о Дон Кихоте и была преисполнена уважения к нему. Она и герцог пригласили его в свой замок и приняли как почетного гостя. Они и их челядь сыграли с Дон Кихотом и Санчо много шуток и не переставали дивиться рассудительности и безумию Дон Кихота, а также смекалке и простодушию Санчо, который в конце концов поверил, что Дульсинея заколдована, хотя сам же выступал в качестве колдуна и сам все это подстроил.

На колеснице к Дон Кихоту прибыл волшебник Мерлин и возвестил, что, для того чтобы расколдовать Дульсинею, Санчо должен добровольно три тысячи триста раз огреть себя плетью по голым ягодицам. Санчо воспротивился, но герцог обещал ему остров, и Санчо согласился, тем более что срок бичевания не был ограничен и можно было это делать постепенно. В замок прибыла графиня Трифальди, она же Горевана, - дуэнья принцессы Метонимии. Волшебник Злосмрад обратился к принцессе и ее мужу Треньбреню в статуи, а у дуэньи Гореваны и двенадцати других дуэний начали расти бороды. Расколдовать их всех мог только доблестный рыцарь Дон Кихот. Злосмрад обещал прислать за Дон Кихотом коня, который быстро домчит его и Санчо до королевства Кандайя, где доблестный рыцарь сразится с Злосмрадом. Дон Кихот, полный решимости избавить дуэний от бород, вместе с Санчо сел с завязанными глазами на деревянного коня и думал, что они летят по воздуху, меж тем как слуги герцога обдували их воздухом из мехов. 'Прилетев' обратно в сад герцога, они обнаружили послание Злосмрада, где он писал, что Дон Кихот расколдовал всех лишь тем, что на это приключение отважился. Санчо не терпелось посмотреть на лица дуэний без бород, но весь отряд дуэний уже исчез. Санчо стал готовиться к управлению обещанным островом, и Дон Кихот дал ему столько разумных наставлений, что поразил герцога и герцогиню - во всем, что не касалось рыцарства, он 'выказывал ум ясный и обширный'.

Герцог отправил Санчо с многочисленной свитой в городок, которому надлежало сойти за остров, ибо Санчо не знал, что острова бывают только в море, а не на суше. Там ему торжественно вручили ключи от города и объявили пожизненным губернатором острова Баратарии. Для начала ему предстояло разрешить тяжбу между крестьянином и портным. Крестьянин принес портному сукно и спросил, выйдет ли из него колпак. Услышав, что выйдет, он спросил, не выйдет ли два колпака, а узнав, что выйдет и два, захотел получить три, потом четыре и остановился на пяти. Когда же он пришел получать колпаки, они оказались как раз ему на палец. Он рассердился и отказался платить портному за работу и вдобавок стал требовать назад сукно или деньги за него. Санчо подумал и вынес приговор: портному за работу не платить, крестьянину сукна не возвращать, а колпачки пожертвовать заключенным. Такую же мудрость Санчо проявил и в остальных делах, и все дивились справедливости его приговора.

Когда Санчо сел за уставленный яствами стол, ему ничего не удалось съесть: стоило ему протянуть руку к какому-нибудь блюду, как доктор Педро Нестерпимо де Наука приказывал убрать его, говоря, что оно вредно для здоровья. Санчо написал письмо своей жене Тересе, к которому герцогиня присовокупила письмо от себя и нитку ко-раллов, а паж герцога доставил письма и подарки Тересе, переполошив всю деревню. Тереса обрадовалась и написала очень разумные ответы, а также послала герцогине полмеры отборных желу-дей и сыр.

На Баратарии напал неприятель, и Санчо должен был с оружием в руках защищать 'остров'. Ему принесли два щита и привязали один спереди, а другой сзади так туго, что он не мог пошевелиться. Как только он попытался сдвинуться с места, он упал и остался ле-жать, зажатый между двумя щитами. Вокруг него бегали, он слышал звон оружия, по его щиту яростно рубили мечом и наконец разда-лись крики: 'Победа! Неприятель разбит!' Все стали поздравлять Санчо с победой, но он, как только его подняли, оседлал осла и по-ехал к Дон Кихоту, сказав, что десяти дней губернаторства с него до-вольно, что он не рожден ни для сражений, ни для богатства и не хочет подчиняться ни нахальному лекарю, ни кому другому. Дон Кихот начал тяготиться праздной жизнью, которую вел у герцога, и вместе с Санчо покинул замок.

На постоялом дворе, где они остановились на ночлег, им повстре-чались дон Хуан и дон Хоронимо, читавшие анонимную вторую часть Дон Кихота, которую Дон Кихот и Санчо Панса сочли клеветой на себя. Там говорилось, что Дон Кихот разлюбил Дульсинею, меж тем как он любил ее по-прежнему, там было искажено имя жены Санчо и было полно других несообразностей. Узнав, что в этой книге опи-сан турнир в Сарагосе с участием Дон Кихота, изобиловавший всяки-ми глупостями, Дон Кихот решил ехать не в Сарагосу, а в Барселону, чтобы все видели, что Дон Кихот, изображенный в анонимной вто-рой части, - вовсе не тот, которого описал Сид Ахмед Бен-инхали. В Барселоне Дон Кихот сразился с рыцарем Белой Луны и потерпел по-ражение. Рыцарь Белой Луны, бывший не кем иным, как Самсоном Карраско, потребовал, чтобы Дон Кихот вернулся в свое село и целый год не выезжал оттуда, надеясь, что за это время к нему вернется разум.

По пути домой Дон Кихоту и Санчо пришлось вновь посетить герцогский замок, ибо его владельцы так же помешались на шутках и розыгрышах, как Дон Кихот - на рыцарских романах. В замке стоял катафалк с телом горничной Альтисидоры, якобы умершей от безответной любви к Дон Кихоту. Чтобы ее воскресить, Санчо дол-жен был вытерпеть двадцать четыре щелчка по носу, двенадцать щип-ков и шесть булавочных уколов. Санчо был очень недоволен:

почему-то и для того, чтобы расколдовать Дульсинею, и для того, чтобы оживить Альтисидору, должен был страдать именно он, не имевший к ним никакого отношения. Но все так уговаривали его, что он в конце концов согласился и вытерпел пытку. Видя, как ожила Альтисидора, Дон Кихот стал торопить Санчо с самобичеванием, дабы расколдовать Дульсинею. Когда он обещал Санчо щедро запла-тить за каждый удар, тот охотно стал хлестать себя плетью, но, бы-стро сообразив, что стоит ночь и они находятся в лесу, стал стегать деревья. При этом он так жалобно стонал, что Дон Кихот разрешил ему остановиться и продолжить бичевание следующей ночью.

На постоялом дворе они встретили Альваро Тарфе, выведенного во второй части подложного 'Дон Кихота'. Альваро Тарфе признал, что никогда не видел ни Дон Кихота, ни Санчо Пансу, которые стоя-ли перед ним, но видел другого Дон Кихота и другого Санчо Пансу, вовсе на них не похожих. Вернувшись в родное село, Дон Кихот решил на

год стать пастухом и предложил священнику, бакалавру и Санчо Пансе последовать его примеру. Они одобрили его затею и со-гласились к нему присоединиться. Дон Кихот уже стал переделывать их имена на пасторальный лад, но вскоре занемог. Перед смертью разум его прояснился и он называл себя уже не Дон Кихотом, а Алонсо Кихано. Он проклинал мерзкие рыцарские романы, затума-нившие его разум, и умер спокойно и по-христиански, как не уми-рал ни один странствующий рыцарь.

О. Э. Гриннберг